

ВИКТОР ВИКТОРОВ

#1 ДЫХАНИЕ ПЕПЛА
ПОЛОЗОВ

Виктор Викторов

Полозов. Дыхание пепла. Том 1

«Автор»

2024

Викторов В.

Полозов. Дыхание пепла. Том 1 / В. Викторов — «Автор», 2024

Отвергнутый собственным Родом, сосланный в глухую северную провинцию, Пётр Полозов пытается обуздать родовой дар, наличие которого он всеми силами старается скрыть ото всех. Его считают ни на что не способным? Пусть. Ещё не время заявлять о себе! Его хотят сделать разменной монетой? А вот здесь, дорогие родственнички, вы крупно просчитались! На что может пойти амбициозный молодой человек для достижения своих целей, если его больше не касаются общепринятые правила и рамки?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	30
Глава 7	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Виктор Викторov

Полозов. Дыхание пепла. Том 1

Глава 1

В последний раз повернувшись перед старым овальным зеркалом, Пётр счёл внешний вид вполне сносным. Парадный серый сюртук из камлота, белая сорочка с воротником-стойкой и шёлковый шейный платок, повязанный с лёгкой небрежностью, могли выдать его за столичного франта только лишь тем, кто совершенно не разбирается в столичной моде.

Петя в моде не разбирался, и к собственному гардеробу относился с лёгкой небрежностью. Его скромным нарядам не равняться с лоском городских щеголей.

Для них одежда была лишь отражением собственного статуса в обществе, которое моментально подметит и слегка потёртые обшлага его сюртука, и начищенные мелом медные пуговицы. Вот только у парня были немного иные приоритеты, нежели тратить финансы на пускание пыли в глаза окружающим.

Довольно ощутимый дискомфорт доставляла лишь плоская бархатная коробочка, находящаяся во внутреннем кармане сюртука, ледяным холодом обжигающая грудь.

Это очень нервировало, поскольку если то, что в ней находится, вырвется на свободу, ремонт комнаты всё не ограничится. Нужно будет отстраивать поместье. Вот только людям в нем будет уже всё равно.

И Петру именно сегодня нужно было убрать эту гадость из поместья Державиных и доставить заказчику. Такой был уговор, а слово Полозов держал всегда.

– Сегодня твои именины, – проворчал парень отражению, пригладив порядком отросшую густую чёлку, норовившую залезть в глаза. – Так что, тебе придётся раскошелиться на цирюльника.

В конце концов, с сегодняшнего дня ему положено денежное довольствие, как ступившему на прямую дорогу к совершеннолетию. Не очень много, но это существенно упростит ему жизнь.

Настойчивый стук в дверь заставил его едва уловимо поморщиться.

– Петя Захарович? Вы уже встали? Петя Захарович?

«Одно и тоже! – вздохнул парень. – Петя Захарович... Похоже, с этим уже ничего не сделать. Но сегодня не буду портить себе настроение и осаживать зарвавшуюся девицу. Сегодня у меня другие планы».

Маруся, одна из служанок его дядюшки, была доброй и милой девушкой, при этом являясь эталоном пренебрежения к элементарным правилам приличия. То она ввалится со своей крестьянской непосредственностью к нему в ванную, чтобы: «ну как можно в ледяной воде-то мыться. Захолонете, Петя!». То начнёт при гостях накладывать ему полную тарелку еды, тем самым выставляя его каким-то обжорой. Никакого такта, но этого уже было не исправить.

Да и относились к ней уже скорее, как к члену семьи, чем к обслуге.

Марусе бы давно указали на дверь, не будь она расторопна по работе настолько, насколько бесцеремонна и по-своему наивна. Вот только в поместье Державиных к остальной прислуге тоже относились с уважением из-за дядиных принципов. Парень с удовольствием что-то бы подправил в этом, но, формально, он находился не на своей территории.

Последней её выходкой был ночной визит к юноше в комнату, где Маруся с недвусмысленными намёками и грацией парового локомотива вознамерилась сделать из него мужчину, видимо считая, что для парня это будет новый опыт.

Пётр до сих пор не мог досконально вспомнить, что он, ошарашенный этой святой простотой, смог ей напелсти, чтобы выставить, наконец, Марусю из своей комнаты, но, с помощью каких-то небесных сил, ему это удалось.

Не то, чтобы он трусливо шарахался от противоположного пола, или что-то во внешности Маруси его смущало – нет. Наоборот, она была миленькая, и подобные случаи в обществе повсеместно практиковались с молчаливого одобрения родителей взрослеющих юношей. На это смотрели сквозь пальцы, если вовсе не одобряли.

Вот только спать с собственной служанкой, а тем более с Марусей, Пётр считал совершенно лишним. А проблемы на данном этапе жизни, ещё, как минимум, пару лет, ему были абсолютно не нужны.

Он терпеть не мог, когда его называли простецким «Петя». Чудилось ему что-то мещанское в этом. Петей или Петькой можно было назвать одного из оборванцев, которые промышляют на Второй Базарке, но никак не молодого, практически совершеннолетнего, юношу-аристократа.

– Петя Захарович! – приоткрытую дверь просунулась белокурая голова. – Вас дядюшка уже второй раз изволили спросить. Завтрак стынет!

– И тебе доброе утро, Маруся, – вздохнул парень, скрипнув зубами. – Передай дядюшке, что я сейчас буду. Это всё?

– Хорошо, – посветлела лицом девушка. – А Захару Андреевичу что сказать? Он тоже интересовался.

– Какому Захару Андреевичу? – спустя несколько секунд переспросил Петя, чувствуя, как от ярости кровь начинает стучать в висках.

– Так батюшке ж вашему, – удивилась Маруся. – Полозов Захар Андреевич уже как час изволили прибыть. Чаёвничают с Демьяном Остаповичем в гостиной.

Интересоваться у девушки, какого рожна у них в доме делает этот человек, который по недоразумению считался его родителем, Петя, понятное дело не стал. Не ей эти вопросы нужно было адресовать.

* * *

– Доброе утро, Демьян Остапович, – Пётр вежливо поприветствовал хозяина дома, полностью игнорируя расположившегося напротив дяди мужчину. – Мария доложила, что вы меня уже второй раз спрашиваете. Что-то срочное случилось?

– Пётр, – Демьян Остапович резво поднялся с кресла, шагнув навстречу Пете. – Ну иди я тебя обниму, дорогой! – радостно взревев, он расставив громадные ручки. – Именинник!

Напустив невозмутимый вид, Пётр позволил себя сграбастать в медвежьи объятия, моля, чтобы не пришлось звать лекаря после эдакого проявления искренней радости. Оказаться на больничной кушетке со сломанным позвоночником – явно не лучший подарок на шестнадцатилетие. А Державин мог. Дури в нём хватало.

– Дядюшка, если вы вознамерились меня задушить, смею заверить, что вы на правильном пути, – просипел Пётр, старательно выговаривая слова, несмотря на подступивший к горлу комок. Глаза почему-то защипало. Ситуацию спас естественный жест, которым юноша помасировал переносицу, словно натёртую длительным ношением пенсне.

Вот только пенсне Петя не носил.

– Орёл! – громыхнул гордый голос Демьяна Остаповича. – Настоящий Полозов. Петя, прими мои искренние поздравления!

– Благодарю вас, – выверенный поклон был давно отработан, но в этот раз, почему-то оказался постыдно смазан.

Очень возможно потому, что кланялся Пётр исключительно Демьяну Остаповичу, стараясь, чтобы даже тень не дёрнулась в сторону спокойно сидящего в кресле отца.

Не достоин он его поклона. И никогда не будет достоин.

– Я слышан, что этот день у тебя был распланирован по собственному усмотрению, – понимающе подмигнул дядюшка. – Но, мы бы попросили тебя задержаться. Есть разговор.

– Демьян Оста...

– Пётр, я бы попросил, – исправился дядя, поняв ошибку. – Я... тебя очень прошу... – тихо добавил он. – Всего полчаса. Ну?

– Как будет угодно, – вздохнул парень, взглянув на единственное свободное кресло, которое, вот незадача, стояло ближе к его отцу, нежели к дяде.

Ещё это проклятый холод в груди, который начал пульсировать, грозя вырваться на свободу в присутствии одарённых. Видя, что мужчины не насторожились, парень расслабился. Не почувствовали сейчас, значит и не почувствуют вообще.

Секунду поколебавшись, Петя твёрдым шагом направился к предмету мебели, решив, что двигать кресло он не станет, чтобы не доставлять этому столичному хлыщу повода для острот.

Он же не барышня из пансионата девиц благородного сословия, так что и вести должен себя соответственно. И если было угодно именно так расставить мебель, то – пусть.

Пётр понимал, что Демьян Остапович не терял надежды помирить его с отцом и попыток своих не оставит никогда. Дядюшку он безмерно уважал. Ровно настолько, насколько с презрением относился к собственному родителю, убеждая себя в глубине души, что им движет не обида на отца, которой Захар Андреевич также не достоин, а именно презрение.

Бесконечное презрение к человеку, который предал собственного сына, отправив его из столицы в этот глухой забытый угол. Слово выбросил на помойку.

И всё бы ничего, но на долгие десять лет он вообще забыл о существовании Петра, а сейчас вот явился, как ни в чём не бывало, и преспокойно гоняет чай с дядюшкой. Поразительная наглость.

«Спокойно, Пётр! Не позорь дядю, позволяя чужим людям упрекнуть Демьяна Остаповича в том, что тебе не было дано соответствующее воспитание. Ты за всё сможешь выставить счёт, когда придёт твоё время. А пока, держи себя в руках».

Аккуратно приподняв полы сюртука, Пётр уселся в мягкое кресло, стараясь, чтобы между спиной и спинкой кресла оставалось чётко выверенное расстояние.

– Маруська! – гаркнул дядюшка. – Сколько можно там возиться? Где третий прибор? Или ты думаешь, что Пётр не голоден?

Равнодушный немигающий взгляд отца парень выдержал не то, чтобы спокойно, но глаза не отвёл до последнего. После того, как Захар Андреевич моргнул, Петя счёл, что это маленькая, но – победа, не заметив снисходительно опущенных уголков губ родителя.

– С днём рождения, Петя! – произнёс отец. – Я рад видеть тебя в добром здравии. Хорошо выглядишь, сын!

– Вашими молитвами, князь, – Пётр почувствовал, как холод старается проникнуть поглубже в грудь. На миг показалось, что произнеси он ещё что-то – изо рта вырвется клуб холодного пара. – Вот только не стоило свидетельствовать своё почтение лично. Достаточно было обыкновенной открытки, отправленной почтовым курьером.

Глаза Захара Андреевича на миг раздражённо вспыхнули.

– Это не тебе решать, – едко процедил мужчина. – Позволь мне тебе напомнить, Петенька...

«Для вас я – Пётр Захарович! Так что извольте не фамильярничать!», – захотелось заметить парню, но он сдержался. Не нужно накалять обстановку. Его цель – быстрее отсюда свалить, пока не случилось непоправимого.

– ...что кровные узы никак не зависят от твоего желания. И что бы ты не сделал, ты всегда будешь носить фамилию Полозовых. Хочется тебе этого или нет!

– Родная кровь не водица, да? – нейтрально заметил парень. – Я много раз слышал это выражение. От прислуги, если мне не изменяет память, – он нарочито зевнул. – Вот только до сегодняшнего дня я так и не почувствовал в себе полозовской крови, Захар Андреевич. Так что, вопрос спорный.

В гостиной повисла тягостная тишина, нарушенная лишь шорохом юбки и сосредоточенным сопением Маруси, которая выставила перед юношей блюдо с чашкой. Налив в неё исходящий паром душистый чай, она упорхнула, стараясь не встречаться ни с кем взглядом. Будто чувствовала, как в комнате сгущаются незримые тучи.

Следя за тем, чтобы его движения выглядели безукоризненно, Пётр взял тремя пальчиками чашку, придерживая её за донышко, и с наслаждением сделал глоток.

– А вот стихийную силу крови Державиных...

Подобные эксперименты давались ему нелегко, но сейчас Пётр не имел права ударить в грязь лицом. Только не сейчас.

Сосредоточив в кончиках пальцев блуждающую силу, Пётр направил в чашку всё, что смог собрать. Почувствовав, как в ушах начинает гулко стучать, он не прекратил воздействия. Наоборот – постарался выложиться по-полной, уже прекрасно зная цену этой своей выходки.

Подобные эксперименты со стихией огня всегда для него заканчивались плачевно, награждая общей слабостью на несколько часов, но сегодня видно кто-то из предков ему благоволит, поскольку у него всё прекрасно получилось.

Поверхность жидкости в чашке дрогнула, а через миг уже попыталась выплеснуться из ставшей, вдруг, маленькой посуды, моментально вскипев. Удивлённо приподняв бровь, будто это у него вышло случайно, Пётр вернул чашку на блюдо.

С трудом подавив желание увеличить температуру настолько, чтобы чашка взорвалась мелкой шрапнелью и стёрла надменное выражение с лица родителя, Петя глубоко вздохнул, прикрыв веки.

– Прошу меня простить, – крепко взявшись за кресло, чтобы не было видно подрагивающих коленей, Пётр медленно поднялся на ноги.

Вытащив из кармана брегет от мастеров «Точного хода», он откинул серебристую крышку и взглянул на циферблат. – Совсем забыл, что у меня через полчаса назначена встреча. Так что, прошу меня простить, господа. Дядюшка? – кивок головы в сторону хмурого Демьяна Остаповича, который и не подумал останавливать юношу, понимая, что тот уже решения не изменит. – Господин Полозов, – здесь было достаточно кивок лишь обозначить, словно даже не равному. – За сим, разрешите откланяться. Дела!

Полозов-младший направился на выход из гостиной.

– Пётр, ты же помнишь, что на вечер у нас запланировано маленькое мероприятие в честь твоих именин? – догнал юношу голос. – Я очень тебя прошу уладить все свои дела и вернуться домой к пяти. К этому времени как раз успеют доставить твой подарок от всех Державиных и меня лично.

«Подарки ещё эти, – раздражённо вспомнил парень. – Совсем вылетело из головы, что в свой День рождения принято принимать подарки».

Поняв, что имела в виду Маруся, когда словно невзначай прижалась к нему пышной грудью, проворковав, что её сюрприз будет немного позже, Пётр только покачал головой. Таких сюрпризов ему не требовалось.

На миг мелькнула мысль сегодня вообще не возвращаться в поместье, но расстраивать Демьяна Остаповича Петя хотел меньше всего.

– Да, дядюшка. Я помню о нашем разговоре и к назначенному времени уже планирую быть дома, – не поворачивая головы ответил Петя.

– Ну вот и хорошо, – успокоился дядя.

– Боюсь, что Петенька не сможет к пяти, – сарказм в голосе отца чуть не заставил его сбиться с шага. – Дома он должен быть не позднее часу дня, так как уже в два мы должны будем находиться на железнодорожном вокзале. Я бы и рад попросить машинистов подождать его сиятельство, вот только боюсь, что даже моего влияния не хватит, чтобы в одночасье изменить расписание поездов.

– Каких ещё поездов? – тщательно удерживаемая Петром маска чопорности моментально разлетелась, и он повернулся к мужчинам.

– Я разве не сказал, – удивился родитель юноши. – Прошу простить мою забывчивость, господа. Сегодня в два часа пополудни мы с сыном отправляемся в столицу уладить кое-какие формальности. Так что, боюсь, запланированное мероприятие придётся перенести.

Он говорил что-то ещё, но Петя уже ничего не слышал. Мертвенный холод в груди требовал выхода, переплетаясь с предательской дрожью в ногах. Никто и никогда не узнает, чего ему стоило не выдать себя сейчас, развеяв прахом все прикладывая годами усилия. Одним выверенным ударом размазать Полозова-старшего по гостинной. И парень знал абсолютно точно – отцу нечего будет противопоставить ему. Только не ему.

Пётр сдержался. Только не здесь и не сейчас. Державины абсолютно ни при чём.

– Не знаю, куда вы там собрались, господин Полозов, – процедил юноша, – но даже не рассчитывайте на мою компанию. И я бы очень попросил, чтобы к моему приходу, вас уже здесь не было, как и десять лет до этого!

Со злостью толкнув ни в чём не повинную дверь и удержавшись от выброса силы, Пётр вывалился на улицу, успев в последний момент схватить стоящую около входа трость.

– Столица, – словно кобра прошипел Пётр, заставив испуганно шарахнуться садовника, который приводя в порядок кусты чайной розы вдоль дорожки, явно не ожидал появления белеющего от гнева юноши. – А не пойти бы тебе в задницу со своей столицей, князь?

Глава 2

Гомон улицы оглушил, как только Пётр покинул территорию поместья Державиных. Оно находилось практически в центре Светлореченска, и неспешная пятиминутная прогулка выводила на главную площадь города, где высились административные здания.

Пальцы механически провернули в руках тяжёлую лакированную трость из морёного дуба. Массивный набалдашник угрожающе загудел. Привычно вернув трость в исходное положение, Петя небрежно взмахнул рукой, подзывая припаркованный невдалеке паро-кэб.

Выпустив две толстые струи пара и неожиданно громко лязгнув раздолбанной подвеской, транспорт шустро поравнялся с тротуаром. Выскочивший с водительского места мужичок в заливхватски заломленном картузе, угодливо открыл перед юношей дверь.

– Доброго дня, милсдарь! Куда изволите?

Цепко скользнув взглядом по сторонам и не заметив ничего подозрительного, Петя забрался внутрь.

– На Вторую Базарку, – равнодушно ответил Полозов.

– Но, позвольте, – спал с лица кучер. – Может на Первую? Не поеду, – сделав отгоняющий злых духов жест, мужичок растерянно посмотрел на юношу, всё ещё надеясь, что это неудачная шутка. – Вот хоть на месте казните, не поеду, милсдарь!

Приподняв бровь, Пётр, поманил кучера пальцем. Как только голова водителя оказалась немного ближе, Петя набросил на себя простенький морок, подпустив толику страха в конструкт.

На владеющего Силой такой примитив, в большинстве случаев, не подействовал бы, но кучеру хватило с лихвой. Взвизгнув по-бабьи, мужик шарахнулся от дверного проёма, словно увидел собственную смерть.

Морок или же отвод – весьма интересное заклинание, которое заклинанием-то даже не является. Относящееся к арсеналу колдовской и знахарской братии, морок практически не использовался владеющими. Вот только парень считал, что абсолютно зря.

Это считалось чем-то недостойным для настоящего одарённого, чем-то постыдным. Словно украдкой пить дешёвый кофе, прикидываясь большим ценителем арабики.

Вот только Пете было всё равно, что использовать. Если это эффективно работает – юноша будет этим пользоваться без оглядки на чьё-то мнение.

Не знаю, что в лице Пети углядел кучер, но сейчас в его глазах плескался ужас. Если бы не паро-кэб, он бы уже сверкал пятками, улепётывая от странного барчука с пустым взглядом, фонящим безразличием и смертью.

– Казнить? – нехорошо прищурился Петя. – Ты правда этого хочешь?

– Не нужно, ваше благородие, – пролепетал мужик. – Я это... пошутил я. Всё... всё сейчас будет сделано в наилучшем виде. Вторая – значит Вторая. Домчу мигом, не извольте беспокоиться!

«Ваше благородие, ты гляди, – криво усмехнулся юноша, замечая в ауре мужика мутные вкрапления, которые обычно остаются после убийства себе подобных. – Только что милсдарем был. Интересно, если его сейчас поправить и сказать, что я не „благородие“, а „светлость“, его цвет волос изменился бы?».

Петя не любил эту братию, прекрасно зная, что они такие учтивые только на центральных улицах. В остальных районах эти заискивающие мужички могли спокойно обобрать тебя до нитки, особенно если имеешь неосторожность заснуть в дороге, или же путешествовать в подпитии.

– У тебя четверть часа, – равнодушно бросил Пётр, закрывая дверь. Через несколько секунд салон паро-кэба дрогнул, и юноша откинулся на мягкое сидение пропахшее пылью, и прикрыл глаза, восстанавливая нормальное движение Силы в энергетическом каркасе.

Кучер уложился в десять минут, выжимая из двигателя всё, что только можно было. Несколько раз уши улавливали доносящиеся проклятья встречных прохожих, которые свидетельствовали о не самой порядочной манере езды водителя, но Полозову-младшему было не до этого.

Ему нужно было успеть точно в срок. Да и Туман не любил, когда он опаздывал.

Собираясь утром, Пётр вовсе не рассчитывал на то, что внезапно объявится его родитель, так что импровизировать пришлось на ходу, дабы не вызвать подозрений у Демьяна Остаповича. Дядюшка и так начал что-то подозревать, и юноше следовало поостеречься и утроить бдительность.

Расплатившись, Пётр тут же забыл об извозчике. Одарив его напоследок презрительным взглядом, парень уверенно направился вглубь Второй Базарки. Только понимающе улыбнулся, когда услышал противный визг покрышек за спиной.

Мужик всё правильно сделал: в этом квартале не стоило задерживаться, если тебе дорога жизнь. Даже таким, как он. Вторая Базарка – не место для прогулок. Здесь свой ритм. А уж такому тусовщику, как извозчик...

Скользнув в узкий проулок, пропахший нечистотами, дерьмом и ещё какой-то алхимической дрянью, убедившись что он пуст, Полозов набросил на себя уже тщательно сплетённый хорошо проработанный морок.

Теперь все обитатели самого неблагополучного района Светлореченска, вместо прилично одетого юноши, видели перед собой крепкого мужчину со звероватым выражением лица, наряженного в простую полотняную робу, которой здесь было никого не удивить.

Трость тоже подверглась изменениям, превратившись в кривоватую штакетину с набитыми на конце гвоздями, которую он небрежно забросил на плечо.

Ему нужно было добраться до точки назначения без приключений. Тихо. Меньше всего Пётр хотел кого-то сегодня убивать.

– Э, мужик, – гнусавый голос сзади похоронил эти надежды. – Дай закурить!

Тяжело вздохнув, Полозов развернулся.

– Не курю, и тебе не советую, – взмахнув тростью, криво усмехнулся юноша. – Говорят, для здоровья джоже вредно. Зубы портятся. Можно даже быстро умереть. Оно тебе надо?

Толстенный намёк невозможно было не заметить, но просящего это ни капли не смутило, что Петю, разумеется, тут же насторожило. Наброшенный юношей морок не смахивал на легкодоступную жертву, а значит эти уроды пришли именно за ним.

«Значит, вычислили тебя, Полозов, и это не случайность, – с досадой констатировал парень. – И где я прокололся?».

– А мы сейчас пошукаем, – пробасил другой голос, и на свет выступила массивная фигура его поделника. – Авось копейку какую найдём, да сами папиросок купим.

– Парни, может не надо? – предупреждая качнул головой Пётр, сканируя окружающую обстановку на наличие сюрпризов. Нет, их реально было двое. – Молодые ещё. Жить да жить, баб тискать.

Когда в руках бугая сверкнула тусклая сталь, Петя без промедления начал действовать. Резко подав Силу в кончики пальцев, он выбросил раскрытую ладонь в сторону массивной фигуры, одновременно вплетая частицу Земли в конструкт.

Вот только вместо того, чтобы выстрелить каменной шрапнелью, прошив тело в нескольких сотнях мест, здоровяка обдало пыльным облаком, которого он, кажется и не заметил.

– ... – невольно ругнулся юноша.

– Не работает, да? – сочувственно поинтересовался тощий любитель чужих папирос. – Как ты там говорил? Жить да жить? Ничего, сейчас мы это исправим, господин хороший.

– Кто вас послал? – спокойно спросил Петя, крепче сжимая трость, слегка отводя её в сторону. Фехтование не было его сильной стороной, но Петя надеялся, что оно на уровне, превосходящем подготовку этого отребья.

«Хотя, не факт, – с досадой подумал Полозов. – Как часто тебе встречались грабители, с амулетами-негаторами?».

Разумеется, ему никто не ответил. Проулок, один из спасительных концов которого находился всего в десяти метрах от Пети, был с двух сторон перекрыт этой парочкой, которая сейчас грамотно зажимала его в клещи.

Щуплый вёл себя слишком уверенно, будто знал, что Петя ничего ему не сможет противопоставить, поэтому прорываться парень решил через здоровяка, полагающегося только на свои габариты и монструозный тесак, больше смахивающий на мачете.

Взмахнув тростью, Петя принял удар мачете на плоскость трости, но его ждал ещё один неприятный сюрприз. Соприкоснувшись с лезвием, трость жалобно хрустнула, будто была не из морёного дуба, а максимум из спрессованных опилок.

«Проклятье! – захотелось взвыть парню. – Да чтоб вас разорвало на мелкие части, князь Полозов!».

Едва успевая уйти от следующего взмаха, Пете удалось поднырнуть под руку, чтобы с силой вбить размочаленный конец трости здоровяку в живот, но на этом его успехи закончились.

Удар, не причинивший бугаю никакого вреда, здорово его разозлил, и он успел наотмашь полоснуть мачете, зацепив рукав юноши в районе плеча.

Рукав сюртука моментально начал набухать красным. Вот только никто в горячке боя не заметил, что ни одна из капель крови так и не смогла коснуться грязных камней мостовой, разлетаясь невесомым тёмным облачком перед самой поверхностью земли.

– Ты не дёргайся, – почти ласково произнёс бугай, глаза которого при виде петиного ранения, торжествующе блеснули. – Ходь сюда. Я тебя не больно зарежу.

– Жаль матушку твою не зарезал никто, когда она решила тебя родить! – бросил Полозов, разрывая дистанцию, поджимаясь к стене. – Надеюсь, она подохла?

– А кто ж его знает? – миролюбиво пожал плечами здоровяк. – Сирота я, – перебросив несколько раз мачете из руки в руку, о двинулся к Пете, намереваясь закончить начатое. – Ты это, если её встретишь, от меня привет-то передавай.

Сбоку хрипло расхохотался щуплый, посчитав это удачной шуткой.

Петя едва успел присесть, когда лезвие клинка высекло искры о кирпичную стену, пройдя над его головой. Таким взмахом здоровяк запросто мог смахнуть ему голову.

Сил на плетения у него не оставалось. И если Пётр сейчас что-то не придумает, то пройдёт несколько дней, пока его обезображенный труп смогут найти в этом проулке.

И то не факт. Неправдоподобные слухи о том, что на Второй Базарке находили обглоданные человеческие кости, сейчас уже не казались настолько дикими. Народец здесь обитал разный.

Внезапно тело юноши вспыхнуло нестерпимым жаром, заставив убийц непроизвольно зажмуриться, а потом рассыпалось пеплом, на глазах опешивших убийц.

– Куда он делся? – растерялся щуплый, не подозревая, что это были его последние слова.

Появившаяся из воздуха серая пыльная плеть захлестнулась у него на шее, сделав несколько оборотов. Резкий рывок, и голова несостоявшегося убийцы отлетает в сторону, щедро пачкая кровью загаженный проулок.

Бугай, несмотря на туповатое выражение лица, всё понял правильно. Он тут же развернулся, бросившись прочь. Когда до спасительного выхода из проулка оставалось несколько метров, перед бугаём в воздухе соткалась дымчатая фигура...

Через несколько секунд всё было кончено.

Порыв ветра развеял витавшие в воздухе частички пепла, и Пётр обессилено рухнул на мостовую. Меньше всего его сейчас заботила чистота мостовой, на которой он с видимым удовольствием растянулся, затылком чувствуя приятную прохладу камня.

Если бы в проулке появился ещё кто-то, Полозову бы не поздоровилось. Уши слышали торопливый удаляющийся топот, заставивший юношу криво усмехнуться.

Ну да, глупо было надеяться, что маленькое недоразумение с этими идиотами, которых кто-то использовал втёмную, может остаться на Второй Базарке без внимания. Так что, можно быть уверенным, все, кому нужно, уже знают, что он здесь.

С трудом поднявшись на ноги, Пётр проковылял в сторону щуплого, что-то ища под ногами, одновременно стараясь не наступить подошвами в кровь или ещё чего-нибудь похуже.

Наклонившись, он поднял обломок трости, снова при этом тихо выругавшись. Спустя несколько секунд была найдена вторая часть с поцарапанным набалдашником.

– И угораздило же тебя припереться именно сегодня, папаша, – прошипел парень, с брезгливостью осматривая то, что осталось от дорожной трости.

Досаду Петра можно было понять. Только что, он чуть не лишился жизни из-за этого бесполезного куска дерева. Хотя, сам виноват. Мог бы и заметить, что вместо своей, он в порыве раздражения схватил трость Полозова-старшего, умудрившись при этом не заметить разницы до самого момента схватки.

Непростительная ошибка, которая только чудом не привела к смерти.

Сделав несколько шагов по направлению к выходу, юноша услышал сзади шорох.

– Они ваши, – коротко бросил Полозов, не оборачиваясь. – Мне нужно имя! Где меня искать – знаете. Туда же принесёте амулеты с этих идиотов. Ослушаетесь, мне придётся вернуться сюда.

– Мы не обещаем имя, – прохрипели сзади с натугой. Послышался влажный шлепок, природу которого Петя знать совершенно не желал. Оборванцы времени не теряли, сноровисто обирая трупы. – Но цапки принесём. И приложим все усилия...

Ничего не ответив, Пётр зашагал из проулка, тошнотворным запахом которого юноша, казалось, пропитался насквозь. Вещи однозначно только на выброс.

Нищие побирушки есть в любом районе. Вот только мало кто знает, что это не сборище спившихся попрошайек-инвалидов, а хорошо организованная структура, торгующая информацией. Так вышло, что когда-то парень невольно оказал услугу той, которая имеет отношение к руководству всем этим парадом калек.

И теперь у неё был перед ним долг.

Вытащив из внутреннего кармана брегет, Петя взглянул на циферблат. До назначенной встречи оставалось ещё десять с половиной минут. И если его ничего больше не задержит, он должен успеть.

Зажав под мышкой остатки чужой трости, Петя зашагал вглубь квартала, не заметив при этом ещё одного холодного оценивающего взгляда.

Глава 3

Толкнув знакомую дверь с облупившейся вывеской, Пётр привычно поморщился. Парень никогда не понимал и, наверное, не поймет увлечения китайскими благовониями, от удушающего дыма которых щипало глаза и саднило горло. Ну какой в них прок, если только не использовать их для отпугивания редких посетителей?

В этом месте благовония особенно любили, причем настолько истово, насколько Пётр ненавидел мерзкий выщербленный колокольчик над дверью, постоянно цепляя его головой, забывая, и морщась от отвратного звука.

– Кого там ещё черти принесли? Написано же на двери: закрыто! – шторка за стойкой дрогнула, чтобы секундой спустя отодвинуться в сторону.

Еще несколько секунд понадобилось для того, чтобы обладатель голоса вскарабкался на этажерку, явив Пете потную лысую макушку хозяина антикварной лавки, после которой показалось его недовольное лицо, с прищуренными глазами.

– Ты кто, и чего припёрся? – дружелюбия в голосе карлика не наблюдалось.

Реакция была понятна, поскольку Полозов-младший никогда не появлялся сюда под этим мороком. Неудивительно, что карлик его не узнал.

– Если закрыто – должно быть закрыто, – наставительно произнёс парень, задвигая за собой засов. – Говорил тебе сотню раз, Клиn: или сбрей эту ужасную поросль, или сходи к Хаиму, – пробурчал Петя, сбрасывая морок и швыряя остатки трости на засаленный диван, расположившийся сбоку от входной двери. – Не пойму, неужели тебе самому нравится выглядеть, как старый плешивый бабуин? А может ты просто чувствуешь себя неотразимой кокеткой? – ухмыльнулся парень, довольный эффектом, который произвели его слова. – Вот это пусть полежит здесь. Он у себя?

– А-а-а, это ты, – разочарованно поморщился коротышка, махнув коротенькой ручонкой. – Достанешь до моих лет, в уборной будешь гадить стоя. Вот тогда там и поостришь, умник, – фыркнул он. – У себя, конечно, куда ж ему ещё деваться? – взглядом проводив остатки трости, с которой, при соприкосновении с диваном, слетел брошенный дополнительный морок, Клиn небрежно спросил: – И с каких это пор ты стал собирать подобную рухлядь? Поиздержался?

Уже поднимаясь по скрипучей лестнице, Петя перегнулся через перила:

– Знаешь, твоя безвкусная прическа выглядит просто шикарно на фоне твоего отвратного юмора. И да, Клиn... если с этой трости пропадет хоть кусочек серебра, я очень сильно огорчусь. Так что, даже дышать не вздумай в её сторону, понял? Я за тобой наблюдаю!

Карлик заметно погрузнел.

– Ты мне ещё скажи, что принёс её сюда целой, – буркнул Клиn, после чего разочарованно вздохнул и начал спуск с этажерки. – Прямо, драгоценность фамильная, ты смотри, куда деваться. Мне может бант на неё повязать?

– Почти угадал, – раздался голос Пети сверху. – Мне нужно её кое-кому вернуть. И сказать «огромное спасибо» за пользование! А бант себе можешь прицепить перед походом к цирюльнику. Хоть Хаима развлечешь. Его наверняка уже давно тошнит от твоей лысины.

Клиn снова взглянул на трость, но уже другим взглядом.

Последний раз, когда этот странный парень хотел что-то кому-то вернуть, из городского канала выловили три трупа. Сыскарям так и не удалось определить, кто это были такие, и как они, собственно, попали в канал. Как обычно, всё списали на ночные разборки, которыми на Второй было никогда никого не удивить.

Совпадение, или нет, но своему чутью Клину привык доверять. Оно его не раз спасало. Невесомую ауру опасности, сквозившую от юноши, даже когда он был в хорошем расположении духа, последнее время невозможно было не почувствовать.

И хотя знакомы они были два года, Клину нутром чувствовал, когда с парнем можно шутить, а когда лучше воздержаться. Именно сейчас карлику стоило промолчать, поскольку Петя, несмотря на ровный тон, прямо полыхал раздражением.

Это, как раз-то, и неудивительно, учитывая то, кто его воспитывал эти два года, натаскивая. Парень ещё молодцом держится, и пока совсем не похож на безжалостного Тумана.

Полозов был прав в одном: лавка карлика спросом горожан не пользовалась.

То пыльное старьё, что валялось на витрине с когда-то расколотым стеклом могли привлечь внимание только тех, кто совершенно не разбирался в антиквариате.

Любой нормальный человек, даже слабо плавающий в теме, мог бы с уверенностью предположить, что продажи идут из рук вон плохо. И оказался бы прав, вот только был один маленький нюанс.

Из рук вон плохо шли только продажи антиквариата.

С остальным товаром, причастность к реализации которого в приличном обществе не афишировалась, как раз, было всё в порядке. Контрабанда и скупка краденного во все времена приносила отличные деньги. А вот рублёвые ассигнации Клину любил не меньше китайских благований.

Поднявшись на третий этаж, Пётр двинулся в самый конец коридора, туда, где его ждала приоткрытая дверь. Причём Полозов точно знал: в тот момент, когда он появился в лавке, дверь была ещё заперта. Туман всегда чувствовал Петино появление. Всегда.

– Ты практически опоздал, – сухо произнёс старик, который, расположившись в кресле под пледом, сидел спиной к двери перед тлеющим камином. Это была личная комната старика, где он проводил больше всего времени, изредка спускаясь на первый этаж.

– У меня ещё полминуты, – сверившись с брегетом, равнодушно ответил Полозов. – Тебе ли не знать, что за это время может случиться всё, что угодно. Так что, мимо, Туман.

– Что хорошего расскажешь? – поинтересовался Туман.

Петя слишком хорошо его знал, чтобы распознать тщательно упрятанный в невинном вопросе интерес. – Присаживайся, мой мальчик, – указал старик на второе кресло. – И прости старику его манеры. Сегодня очень болят ноги, так что вставать не буду.

– Да, конечно, – понимающе усмехнулся Пётр, оценив плосковатую шутку.

Юноша в это бы поверил с лёгкостью, если бы не знал и не видел того, на что способен этот безобидный с виду старик. Ему всегда импонировала его манера прятать силу и недюжинный ум под напускной простотой, хотя таких, как Петя, Туман мог раскатать пятерых, при этом не запыхавшись.

Вытащив из внутреннего кармана сюртука футляр, Полозов небрежно протянул его старику.

– Меняю на деньги.

– Удивил, молодец, – одобрительно произнёс Туман. Откинув крышку, старик несколько секунд полюбовался его содержимым, после чего бережно закрыл. – Есть то, о чём я должен знать?

– Наверное нет, – пожал Пётр плечами. – Кстати, прими мои соболезнования, Таман. Твои туповатые исполнители в очередной раз облажались. И вообще, меня твои проверки уже начинают утомлять. Нет, если тебе не жалко подобных идиотов – пожалуйста, но правда, шутка подзатынулась. Повторённая несколько раз, она уже вызывает только раздражение.

– Стоп, – тихо произнёс Туман. – А вот с этого момента поподробнее.

– Тебе интересен способ, которым я их устранил? – Петя попытался произнести это равнодушно, но сам понял – вышло слабо. Проклятого старика таким примитивом не надуть. – Что ж, хорошо...

Их разговор прервал еле слышный стук в дверь.

– Тебе принесли, – недовольно произнёс карлик. Просеменив к камину, он швырнул Полозову два кожаных шнура, на которых что-то болталось. – Пепел, сколько можно просить – не направляй сюда своих оборванцев. Моя лавка – это не твой кабинет, – пробурчал он, закрывая за собой дверь.

– Они не мои, – пожав плечами, ответил Пётр в пустоту.

– Мне абсолютно неинтересен способ, которым ты это сделал, – задумчиво произнёс Туман, внимательно всматриваясь в лежащие на Петиних коленях грубоватые артефактные поделки. – Тем более, что я и так знаю, что ты сегодня коснулся своей силы. Хотя я предупреждал тебя. Что, не терпится почувствовать себя всемогущим?

– Да они меня почти достали, – вскинулся было Полозов, но наткнулся на холодный взгляд старика. – Если бы не сила – я бы сейчас здесь не сидел.

– С твоим своеволием я буду разбираться позже, – отрезал старик. – А сейчас расскажи, кто и где на тебя напал, и откуда у них поглотители?

– Стоп, – растерялся Пётр. – Ты сейчас хочешь мне сказать, что не имеешь представления о тех, кто попытался меня перехватить с заказом?

– Да, Петя. Это были не мои люди.

– Просто прелестно, – простонал Полозов. – Этого мне ещё не хватало. Ну вот какого чёрта?

Пересказ занял не больше пяти минут. Старик слушал, прикрыв веки, не задавая никаких уточняющих вопросов, после чего жестом попросил Петю прерваться, когда тот поведал, как умер второй нападавший.

– Довольно, я узнал, что мне требовалось. И вот, что я тебе хочу сказать, мой мальчик, – вздохнул Туман. – Пока я не выясню, кто это был, ты и носа не высываешь из своего поместья. Понял меня? Если не поступит никаких знаков, через три дня жду тебя здесь.

– Мы же договаривались, – возмутился Пётр.

– Цыц, – Туман повысил голос. – Моё слово нерушимо, ты знаешь. Если сказал, значит так и будет. Но – позже. А пока делай так, как тебе велят. Ты меня понял?

– Понял, – невесело произнёс Полозов, понимая, что следующего заказа ему никто не даст, пока не будет информации о нападавших.

– Вот и славно, – Туман сделал вид, что не заметил удручённого состояния парня. – Теперь по твоему своеволию... Какого хрена, Пётр? Ты что творишь вообще, тупица!? Или ты добровольно решил превратиться в калеку, перечеркнув свои усилия и труды, вместе с тем, что в тебя вкладывал я? Так ты мне скажи просто, я сам тебя грохну.

Перемена в голосе была настолько разительна, что парень непроизвольно отшатнулся.

– Я попросил бы...

– Рот закрой, – почти ласково пропел Туман. – Тупица, как есть. Тебе же ясно сказали – до окончательного формирования каркаса не касаться родовой магии. Что в слове «нельзя» тебе показалось похожим на «немножко можно»? Мальчик мой, если ты не до конца понимаешь глубину задницы, которая тебя начала весело поглощать, я тебе объясню. Первое – приходили именно за тобой. Это ты и сам понял. А второе, – указал он на амулеты, – это то, что они приходили именно за князем Полозовым, который владеет родовым даром в столь юном возрасте. Не за Пеплом, не за Тенью, не за... как ты там ещё себя обзывал, герой? А, неважно. Так вот, пришли они именно за тобой. И мне это категорически не нравится. А самое интересное будет, когда тебя шарахнет откат. Надеюсь, ты это учёл?

– Ты так говоришь, как будто я сам в восторге, – насутился Пётр. – Откат как-нибудь переживу. Не впервой.

– Ну-ну.

– Думаешь, что это аристо?

– Я пока ничего не думаю! И так говорю потому, что хочу понять, где ты умудрился наследить? Значит так, – глубокие морщины пробороzdили высокий лоб старика. – Мне нужно время, чтобы понимать, откуда растут ноги, и кому ты мог понадобиться. И я тебя очень прошу – сиди спокойно хотя бы эти три дня, занимайся своими делами. У тебя же, вроде именины? Вот и празднуй спокойно.

Внезапно Петя почувствовал, как его охватил озноб. Судорогой скрутило ноги, а затем волна холода пронеслась по всему телу, заставив парня выгнуться, непроизвольно сползая с кресла.

«Накаркал, пенёк старый», – мысленно простонал Петя.

Трясло немилосердно, будто его запихнули в ледник на несколько дней, а когда ещё живое тело начало коченеть, обдали кипятком. Сознание помутилось, и слова Тумана стали доноситься, как сквозь толстый слой воды.

– Проклятье, – в сердцах ругнулся старик, завожившись на кресле. – Ты всё-таки не послушал меня!

В угасающем сознании парня ещё промелькнула мысль, что беспокойство, граничащее с паникой, в голосе старика он слышит впервые.

– Клинь! – взревел Туман. – Быстро сюда!

Пётр чувствовал, как его подхватили чьи-то сильные руки, затем куда-то начали тащить. Последнее, что он запомнил – отвратно-горькое питьё, которое ему влили в рот без его согласия, и слова Тумана, которые тот повторил несколько раз:

– Запомни! Тебе стало плохо, когда ты попытался применить стихийную магию. Только стихийную магию! Что бы тебе не говорили – стой на своём! Стихийная, и никакая иная!

* * *

– Доставили? – требовательно спросил у Клинь старик спустя час.

– В наилучшем виде, – кивнул коротышка. – Парни всё сделали, как нужно. Дождались, когда его обнаружат, и только потом ушли. Мальчик уже дома. Состояние удовлетворительное.

– Вот и славно, – вздохнул старик, продолжая гипнотизировать потрескивающие поленья в арке камина. – Спасибо... Что-то ещё? – выгнул он бровь, заметив, что Клинь нерешительно топчется на месте.

– Неправильно это, Туман, – наконец выдохнул коротышка. – Я прекрасно понимаю, что он тебе не чужой, но так нельзя. Вздрагивать от каждого стука в дверь – не то, о чём я мечтал на старости лет. Ты же прекрасно знаешь, что если сюда явятся, ты не сможешь ничего сделать. Может мы...

– Хватит, – перебил его старик. – Я отсюда уже никуда не буду бежать. Осталось совсем немного, нужно просто потерпеть. А с жаждущими встречи я как-нибудь разберусь.

– Туман...

– Я слишком давно тебя знаю, чтобы понимать: твоими устами сейчас говорит не страх. Мы своё давно отбоялись. Тогда что? Что происходит, Клинь?

– С жаждущими встречи я как-нибудь разберусь..., – с горечью повторил карлик. – Мы же оба понимаем, что это неправда.

Играя желваками, Туман лишь прикрыл глаза. Когда изо всех углов полутёмной комнаты в центр скользнули тени, Клинь вздрогнул. Сколько раз он это видел и то, на что они были способны, но привыкнуть к этому так и не смог.

– Не нужно, – тихо произнёс карлик, с жалостью глядя на старика. – Поберёг бы силы. Кому ты что хочешь доказать?

Вот только старик его не слушал.

Всё в комнате пришло в движение, а потом воспарило в воздух. Плед, небрежно брошенный на колени старика, соскользнул на пол. Да и не прикрывал он ничего, поскольку ноги у Тумана отсутствовали.

И если снять толстые кожаные накладки с обрубков на месте ног, будет заметно, что природа травмы явно была магическая. Даже самый искусный мечник не сможет сделать настолько идеально ровный срез.

– Пусть только попробуют явиться, – прошипел Туман, повернувшись к Клину. Тьма сочилась из глаз старика, тут же растворяясь в тенях. – В порошок сотру! А то, что не доделаю я, доделает за меня Пётр Полозов.

Карлик лишь покачал головой.

Всё это он видел уже десятки раз. Да, Клин слегка преувеличивал, когда говорил, что старик ни на что не годен. Туман и сила, дремлющая в нём, могла доставить столько проблем, что Светлореченск вздрогнет от крови, ужаса и плача. Вот только тогда пути назад уже не будет. Их найдут и уничтожат, словно бешеных псов.

– Ты оставил ему мой подарок?

– Нет, – кивнул карлик. – Хотя ты и приказал, но оставлять его у бессознательного тела – не самая лучшая идея. Сам потом вручишь его Пеплу.

– Не называй его так, – поморщился старик, а тьма из его глаз начала рассеиваться. – Он – истинный Полозов! Хорошо, я выберу момент, когда он ему будет нужен больше всего. Спасибо.

– Боюсь, что от меня это уже не зависит, – криво усмехнулся карлик, открывая дверь. – Кажется, кому-то нужно отдохнуть. А то подохнешь в этом кресле, а у меня потом голова будет болеть за то, куда тебя, старую вонючую развалину, девать.

– Ступай, – отмахнулся старик, плавно опускаясь в кресло. И только когда дверь за Клином закрылась, он позволил себе обессилено откинуть голову.

Проклятый коротышка прав – силы уже не те. Но и тех, которые остались, с лихвой хватит для задуманного.

– С днём рождения, мой мальчик, – еле слышно прошептал Туман спустя несколько минут, когда прогоревший камин начал угасать. – И пусть твоя сила примет тебя, как достойного. Ты сможешь, ибо если не ты, то больше некому.

Глава 4

Пришёл в себя Петя уже в постели. В своей постели в поместье Державиных.

Бросив взгляд на часы, он ещё некоторое время пытался сообразить, как это так получилось, что он ушёл из дому, когда до полудня оставалось четверть часа, а настенный хронограф сейчас показывает три часа дня?

Даже если вычесть время поездки туда, столкновение с душегубами и посещение лавки Клина, включая разговор с Туманом, то время не сходится. В тот момент, когда ему стало плохо, его немедленно должны были забрать и доставить домой, что совершенно невозможно. Не сходится по времени никак.

Прислушавшись к своим ощущениям, он растерялся второй раз за день. Ничего нигде не болело, энергетический каркас под завязку был запитан Силой, а о ранениях, полученных в результате схватки, напоминала лишь хорошая память Полозова.

Нет, изредка накатывало что-то похожее на лёгкое головокружение, но на ногах парень держался уверенно и давешнее беспамятство повторять не спешил.

Похоже, выволочки от Демьяна Остаповича и его супруги ему не избежать. Хорошо бы ещё было знать всё то, что произошло с момента, когда он вырубился, до пробуждения в своей комнате, в которую он даже не знал, как попал.

Поднявшись с постели, он по-быстрому впрыгнул в заботливо приготовленный комплект домашней одежды. Маруся постаралась, больше некому.

– Ну что, Петя Захарович, – едко заметил он в зеркало. – Влип? – наскоро пригладив непослушную шевелюру, Петя двинулся к двери.

В голове досадливо проскочила мысль, что его причёска так и не увидела ножниц цирюльника, но Пётр справедливо решил, что сейчас разницы особой уже нет. Заросший ты или пострижен – от неприятного разговора с домочадцами это не спасёт.

Почему он решил, что нагоняй от Демьяна Остаповича обязательно последует?

Да потому, что так было всегда. Дядюшка всегда был сторонником того, что всё, что случается с тобой – твоя и только твоя вина. И только тебе нести ответственность за все последствия. Неважно: рассаженная это коленка и порванные брюки, или сожжённое крыло поместья.

В первую очередь виноват тот, с кем это случилось, а уж потом во внимание берутся сопутствующие обстоятельства. Доля правды в этой жизненной позиции была, но в данный момент Пете было от этого не легче. Меньше всего он сейчас хотел выслушивать морали и укору в собственном легкомыслии.

– Доброго дня, – нейтрально поприветствовал Пётр мужчин, испытав дежавю. Будто эти двое и не покидали своих кресел.

Прошествовав под внимательными взглядами, он занял своё место в пустующем кресле. Всё, как с утра, вот только сейчас никто не спешил угощать парня чаем. Ну да, сейчас время орехов, на которые ему очень скоро достанется.

– Прошу прощения, за опоздание, господа. Захар Андреевич, – он кивнул родителю. – А вы разве не уехали? Помнится мне, вы очень торопились. Так торопились. Что же заставило вас изменить своё решение?

Лучшая тактика – нападение, вот только сейчас это не сработало.

– Пётр! – моментально осадил парня дядюшка. – Это уже переходит все границы! Мало того, что ты исчезаешь неизвестно куда, неизвестно на сколько, так тебя ещё потом находят в бессознательном состоянии и неприглядном виде, словно ты на помойке ночевал. Позор какой! Я уже молчу о том, что мне пришлось лично отписываться всем приглашённым гостям о переносе торжества в честь твоих именин, о которых, как мне думается, ты вообще забыл! Я ещё могу понять, что ты решил таким образом насолить мне, мстя за что-то, но гости-то в чём

виноваты? Ты понимаешь, что своим поступком ты не меня поставил в неловкое положение, а себя. Вот скажи, что за безответственность? Я же просил! И ты мне пообещал!

– Не нужно было переносить, – пожал плечами парень. – До означенного времени ещё два часа. Мы бы всё прекрасно успели. К тому же, дядя, вы заблуждаетесь в том, что мои действия направлены на то, чтобы вам отомстить. У меня к вам только чувство огромной благодарности, так что, Демьян Остапович, прошу больше не говорить мне таких вещей.

– Так... – побагровел Демьян Остапович.

– погоди, Дёма, – в разговор неожиданно вмешался Полозов-старший. – Наш уважаемый князь, судя по его легкомысленной реплике, совершенно не подозревает, что запас времени, на который он так ссылается, истёк два дня назад.

«В смысле, два дня?», – растерялся Пётр, что отразилось на его лице.

– Вы хотите сказать, что я спал всё это время? Два дня? – осторожно спросил он.

Сердитое сопение Державина не сулило ничего хорошего, но от разноса, как такового, мужчина всё же воздержался, судя по его дальнейшим словам. Интересно, надолго ли?

– Да, Петенька, – голос дядюшки исходил елеем. Опасным елеем. – Когда тебя обнаружили у ворот поместья, а потом перенесли в комнату, мы вызвали целителя, поскольку не знали, что с тобой вообще произошло. Это уже потом мы поняли, что сильнейшее магическое истощение – единственное объяснение твоего состояния. Вот только мы с твоим отцом не можем понять одного.

– Чего же? – тихо спросил парень.

– Куда, и зачем ты ездил? – требовательно спросил Захар Андреевич, заставив Петины брови удивлённо подпрыгнуть. – И как ты умудрился сломать мою трость? Почему ты позволил себе вычерпать весь энергетический каркас до последней капли? Или ты решил, что являешься вне-ранговым? И почему на твоём сюртуке очень занятные порезы, можно поинтересоваться? Мы тебя слушаем очень внимательно!

Полозов-старший, как и Державин, весьма бы удивились, если бы узрели настоящий энергетический каркас парня, который был скрыт за хитрым отводом, выдавая только лишь то, что нужно было показать. Не зря же Петя вместе с Туманом бились над этим шедевром два дня.

А вот вопрос по поводу трости вызвал у Полозова-младшего нервный смешок. Но оно и понятно. Папеньке – плевать, как и было плевать всё это время, на собственного отпрыска, а вот на кусок мёртвого дерева, хоть и инкрустированного серебром – нет. Конечно, трость же важнее.

– По поводу палки этой бесполезной, – парень зевнул, прикрыв рот ладошкой. – Я, конечно, прошу прощения, но ваш аксессуар был настолько хрупким, что не выдержал простейшей нагрузки. Я лишь после выхода из дома заметил, что ошибочно прихватил вашу трость, вместо своей. И только я опёрся на неё при выходе из паро-кэба, она не выдержала, представляете? Дрянное исполнение, если начистоту, очень дрянное. Как и попытка халтурщиков, которые вам её изготовили, выдать дешёвый материал за настоящий морёный дуб. Я бы такое точно не носил почём зря. Так что приношу свои извинения, князь. Готов возместить финансовые неудобства.

– Да что ты себе позволяешь? – князь побагровел. – Это была трость мастеров «Столичного стиля», – прошипел Полозов, прекрасно поняв завуалированное оскорбление сына, прямо заявлявшее о денежной несостоятельности князя. – И ты представить себе даже не можешь её стоимость! Петя! – угрожающий тон не произвёл на парня впечатления, что он тут же подтвердил скупающим зевком. – Не нужно делать из нас идиотов. Трость была перерублена чем-то острым. И я на сто процентов уверен, что это было сделано оружием.

– Я вас с этим поздравляю, Захар Андреевич, – учтиво кивнул парень. – Нет, правда, браво. Ваши дедуктивные способности поражают. Но при всём моём неуважении к вашей пер-

соне, хочу заметить, что уже предложил путь решения возникшего недопонимания. Больше мне добавить нечего.

Поднявшись с кресла, Полозов-младший молча двинулся ко входу, где на специальной подставке около двери ютились зонты и трости. Взяв свою, он так же, не проронив ни слова, вернулся в гостиную под недоуменными взглядами Державина и Полозова-старшего.

– В качестве компенсации, могу предложить свою. Уверю, она ничуть не хуже того дерь..., простите, господин Полозов, – юноша протянул ему лакированную трость с металлическими накладками. – Точно не хуже вашей. А в чём-то и лучше. Их у меня две, так что пользуйтесь на здоровье, – вальяжно взмахнул он рукой...

Взглядом, брошенным на предложенное парнем, можно было заморозить что угодно, а потом присыпать доброй порцией брезгливости.

– Нет уж, благодарю, – процедил Захар Андреевич, даже не прикоснувшись к трости. – Оставь себе.

– Как знаете, – пожал плечами Пётр, ничуть не расстроившись. В принципе, он на это и рассчитывал. Расположив аксессуар на своих коленях, он едко добавил: – Было бы предложено...

Негромко кашлянув, тем самым привлекая внимание, Демьян Остапович впери в Петю внимательный взгляд.

– Пётр, я тебя последний раз прошу. Прекрати этот балаган. Если ты считаешь, что то, что с тобой произошло – шутки, то ты ошибаешься. Мы с твоим отцом очень переживали за тебя, к твоему сведению. Целитель сказал, что твой каркас мог выгореть, понимаешь? Что из этого следует, ты и сам, думаю, прекрасно знаешь. И убери эту чёртову трость, пока я её не сломал. Что ты её вертишь, как девку туда-сюда?

После замечания дядюшки, Пётр заметил, что непроизвольно перебирает тонкими пальцами металлическую инкрустацию, будто бы проверяя, насколько хорошо она держится. То, что дядя перешёл на такой тон, свидетельствовало только о том, что он пребывает в ярости.

«Что следует из сказанного целителем, ты и сам, думаю, прекрасно знаешь...».

Конечно парень знал, чем это грозит. Участь выгоревших незавидна. Мало того, что ты становишься изгоем, так ещё и для тебя закрывается множество путей, идя по которым, можно выстроить хорошую карьеру.

Талантливый одарённый стоит дорого. А достигший вершин – вообще бесценен, и подобные являются чуть ли не стратегическим запасом любого государства.

Выгоревшие же постепенно остаются без связей, знакомств, друзей, а потом и без родных.

Так происходит всегда. И это не цинизм, а здравый прагматизм. Зачем тратить силы и ресурсы Рода на призрачную возможность восстановления одарённого, если вероятность таковой составляет меньше одного процента? Гораздо практичнее будет направить ресурсы на перспективное подрастающее поколение, которое в будущем станет опорой и защитой Рода.

Нет, в открытую никто не посмеет изгнать члена Рода, если тот по какой-то причине лишился способности управлять даром, но на деле – всё не так радужно. Выгоревшие всегда остаются одни. Разным бывает только время, которое потребуется им на осознание страшного и безжалостного факта.

Да, случаи, когда бывший одарённый всё-таки находит в себе силы продолжать жить, как обычный человек – нередки, но, как правило, это дорога в один конец. Такова суровая правда жизни в среде аристо: острый ум, иные качества и навыки, всегда будут пасовать перед умением сотворить простенькое плетение исцеления.

Сейчас Петя лихорадочно размышлял, что можно, а что нельзя говорить этой парочке, которые, заметив малейшую несостыковку в его рассказе, вцепятся в него не хуже крокодилов в добычу. Как аргументировать своё нахождение на Второй Базарке, куда в здравом уме не сунется ни один аристо?

Понимая, что всё сказанное им будет потом тщательно проверяться и анализироваться, Петя решил выдать полу-правду. Это самое правильное решение, которое он мог принять в текущей ситуации.

– Я хотел посетить цирюльника, – поморщился он, убрав руки от трости после очередного гневного взгляда дядюшки. – Но у цирюльной лавки меня попытались обокрасть. И куда только городские смотрят? – возмутился парень.

– Продолжай, – дядюшка прикрыл глаза. – Где это произошло, говоришь?

Родитель Пети предпочёл выступить обычным слушателем, дабы не провоцировать новую перепалку с парнем.

– Вы же прекрасно знаете, что я стригусь только в одном месте. Вот уже несколько лет, дядя, я предпочитаю «Бомонд». Именно там всё и произошло.

Порционно выдавая информацию, будто ступая по тонкому весеннему льду, Пётр поведал им нейтральную версию о том, как ему встретился подросток, который зацепив его плечом, успел вытащить у него кошель, после чего попытался убежать, затерявшись в узких кварталах Второй Базарки.

После неудачного преследования, Петя оказался в незнакомом месте, где на него напал какой-то мужик с мачете, тоже, видимо, пытаясь ограбить. Вступив в неравную схватку, парень пропустил удар, после чего потерял сознание, очнувшись уже в поместье.

Да, рассказ смердел фантазмагоричностью, но это была лучшая тактика в данном случае. «Шёл, украли, побежал, подрался, не помню, очнулся».

Продолжая стоять на своём, Петя добился того, что поток вопросов к нему почти иссяк, после чего разговор перешёл в русло предположений. Единственное, что парню показалось странным, так это то, что никто из мужчин так не спросил, почему у парня наступило магическое истощение. Будто они старательно огибали эту тему.

Непринуждённый разговор, в результате которого Петя сейчас чувствовал себя, словно выжатый лимон, продолжались ещё битый час, после чего, поняв, что большего, чем сказал парнишка, им не добиться, оставили его в покое. Демьян Остапович, наградив Петю очередным странным взглядом, попросил его пока не покидать территорию поместья, когда парень изъявил желание оставить их, сославшись на слабость.

Полозов-младший был с ним солидарен, поскольку последствия магического истощения снова дали о себе знать. Поднявшись с кресла, Петя покинул гостиную.

– Что думаешь, Дёма? – хмыкнул Захар Андреевич. – Так вышло, что моего сына ты знаешь лучше, нежели я, его родной отец.

– Мальчик что-то недоговаривает, это очевидно, – задумался хозяин поместья. – Всё, вроде, складно, и можно ему доверять, но меня не покидает чувство, что он тщательно скрывает некоторые детали произошедшего. Взять хотя бы этого воришку, за которым он погнался. Тебе это не показалось странным?

– Что ты имеешь в виду?

– Да то и имею, что даже вытащенный кошелек с наличными не заставит его броситься вслед за похитителем, понимаешь? Это не та сумма, чтобы подвергать себя опасности. Извини, что я тебе это говорю, но парень, для своего возраста, на редкость осторожен. Нет, он не труслив, хотя у него наблюдаются определённые проблемы в колледже, но предпочитает избегать подобных щекотливых ситуаций. Для его возраста – это нормально, все такими были. Да и того довольствия, что я ему выделяю, вполне достаточно, чтобы пренебречь условно украденным кошельком, скажем так. Темнит он что-то.

– Ну мне это не кажется странным, – криво усмехнулся Полозов-старший. – Он и будучи помладше, не отличался особой сообразительностью. Так что броситься за обидчиком без анализа ситуации вполне в его стиле. Хоть что-то остаётся неизменным.

– А вот зря ты так, – грустно улыбнулся Демьян Остапович, немного расстроившись. – Захар, ты его совершенно не знаешь. Иногда мне кажется, что мальчик абсолютно прав, относясь к тебе именно так, как он это демонстрирует. И нужно относиться к нему с пониманием, поскольку правил игры, в которую ты его хочешь вовлечь, он не знает. И никто его не спешит просвещать. Меньше всего мне хочется присутствовать в тот момент, когда ты ему решишь всё рассказать.

Тяжело вздохнув, Державин указал на трость, оставленную парнем прислонённой около кресла.

– Будь добр, подай пожалуйста.

Когда трость оказалась у него в руках, Державин, несколько секунд вертел её, после чего, нащупав какой-то выступ, нажал на него.

Раздался негромкий металлический щелчок, после чего мужчина провернул рукоять и потянул её на себя.

– Какого дьявола? – удивился Полозов, глядя на тёмно-серое четырёх-гранное лезвие, которое до этого момента покоилось во второй части трости, словно в ножнах. – Это что булат?

– Ага, – удовлетворённо кивнул Демьян Остапович. – Это булат. В трости твоего сына. Которого ты до сих пор считаешь ребёнком, Захар. И мой тебе совет: будь осторожен со словами.

– Ты что имеешь в виду, Дёма? Мне что, нужно заискивать перед этим сопляком?

– Этот сопляк, как ты выразился, позавчера перешагнул рубеж первого совершеннолетия. И теперь он может вызвать на дуэль любого владеющего даром, вместо того чтобы получать насмешки. А ещё хочу заметить, что мы так и не знаем, как и где он применил магию. Я точно знаю, что парень пока не умеет формировать ни одного защитного конструкта. Но я не удивлюсь, что после твоих пассажей, он вызовет тебя на дуэль. Ты же не собираешься убивать собственного сына, верно?

Глава 5

Всяческие приёмы Петя не любил.

Не то, чтобы он был затворником или сознательно сторонился подобных мероприятий, но всякие празднества, особенно проводимые с ненужной помпой, считал занятием утомительным.

Вся эта бесконечная вереница гостей, которая уделяет имениннику несколько минут для вручения подарка и традиционной здравицы, а после соблюдения положенного в подобных случаях моциона, разбивается на группы по интересам, начиная решать свои вопросы, всегда вызывала у Петра ироничную усмешку.

На виновника же торжества, с этого момента, обращали внимания не больше, чем на обычную мебель.

Любой приём, если он может быть использован для решения каких-то шкурных вопросов аристократов, обязательно будет для этого использован, будь это день рождения чьего-то внучатого племянника, которому исполнилось шесть лет, или похороны супруги главы Рода.

При этом совершенно неважно, где проходит мероприятие: в императорском дворце или в поместье захудалого дворянского рода где-то на окраине столицы или вообще – империи. Регламент из-за таких мелочей, как географическое местоположение, не меняется.

Приём, по случаю празднования именин Петра Полозова не был похож ни на один из подобных серпентариев, в который обязательно превращается встреча представителей больше, нежели одной семьи. Сегодня были приглашены только самые близкие друзья и родственники. И не потому, что Державины придерживались таких же взглядов, что и Пётр, а только лишь исключительно по просьбе именинника.

Присутствовали, само собой, Державины, как организаторы всего этого действия, два представителя рода Полозовых, один из которых являлся виновником торжества, и супружеская чета Некрасовых, с детьми, примерно его возраста, с которыми у Пети были не совсем хорошие отношения. И если с Александром Некрасовым он хоть как-то ладил, то его сестра Петю на дух не переносила, считая безвольным тьюфом, который не способен выделиться ничем.

И до сегодняшнего дня Полозову было удобно поддерживать её мнение в таком состоянии, как и мнения остальных детей аристократов.

В среде аристо считается нормальным не разделять приёмы на детские и взрослые. Дворянские дети с самого раннего возраста получают соответствующее образование, позволяющее им как можно быстрее влиться в дела Рода и приносить посильную возрастную помощь.

Вы спросите, чем может помочь Роду пятилетний ребёнок, который в полной мере не может оценить все расклады и тонкости взаимоотношений в среде аристо?

Всё очень просто.

Информация.

Вы даже не представляете, что может поведать родителям дитя с цепкой памятью, взахлёб рассказывая, как оно играло с другими детьми, если ему задавать правильные вопросы. А вопросы аристо задавать умели.

Ни один Род не держал нахлебников. Каждый его член обязан был приносить пользу семье. И чем старше становился член Рода, тем больше обязанностей на него возлагалось. Это было вполне нормальной практикой.

– Попрошу минутку внимания, – зычный голос Демьяна Остаповича заставил зал постепенно замолчать. Через несколько секунд стихли даже шепотки. – Пётр! – он поманил Полозова рукой. – Подойди, пожалуйста сюда.

Огибая гостей, которые с любопытством и предвкушением смотрели на именинника, Пётр направился к дяде.

Приобняв парня за плечо, Державин приосанился, с гордостью смотря на парня.

– Мой дорогой племянник, – он приподнял хрустальный бокал с искристым содержимым. – Этот день, поистине знаменательный. День твоего первого совершеннолетия. – Минуточку, – улыбнулся Демьян Остапович, когда его речь была прервана раздавшимися аплодисментами. – Дайте же договорить, – он шутливо нахмурил брови, но никого не смог обмануть напускной сердитостью.

Пётр слишком хорошо знал своего дядюшку, чтобы понимать: Державин сейчас находился в благостном расположении духа. Как впрочем и всегда, после пары-тройки бокалов игристого.

– С моей стороны, не будет зазорным признать, что я выдержал серьёзный бой, когда грудью отстаивал твой подарок, Пётр, – он покосился на свою супругу – Ольгу Радиславовну Державину, которая старательно сдерживала улыбку. – Ох, как же я дрался! Это была неравная битва! – он сделал большой глоток из фужера. – Но, я всё-таки победил, мой дорогой племянник. Не буду долго тебя мучить... Выпьем, друзья! За здоровье моего племянника! До дна! – одним махом допив содержимое фужера, он по-молодецки грохнул его оземь.

Выудив из кармана что-то блестящее и продолговатое, он решительно вложил это в руку парня.

– Владей, дорогой! Только дай мне слово, что сядешь за руль только завтра!

«За руль!?».

На мгновение Пётр подумал, что ослышался. Нет, это решительно невозможно! Этого просто не может быть!

Вот только тяжёлый металлический брелок с логотипом «Барсь» ясно давал понять, что ошибки быть не может. Ему подарили то, на что он даже не рассчитывал, а мог только втайне мечтать, пока не достигнет полного совершеннолетия – пароцикл.

– Ну? – дядя был полностью удовлетворён моим ошарашенным видом. – Даёшь слово?

– Да, конечно, – сглотнул Пётр, попытавшись взять себя в руки. Конечно же ему хотелось немедленно сорваться и выбежать во двор, чтобы посмотреть на свой подарок, но каким-то запредельным усилием воли Пётр сдержался, понимая, что, как виновник торжества, он не может наплевать на всех и бежать любоваться «Барсом». – Обещаю, конечно.

– Вот и хорошо! – пророкотал дядя. – С днём рождения!

То, как его поздравляли, практически не отложилось в памяти. Петру жали руки, обнимали, хлопали по спине, желали долгих лет, дарили что-то, но в голове был полный сумбур. Он даже пропустил несколько шпилек от Ирины Некрасовой, чего прежде никогда не случалось.

Все мысли занимал подарок и принятие того факта, что теперь ему не нужно будет отлучаться из дома, чтобы тайком погонять на стареньком пароцикле, который он арендовал у одного дельца за весьма приличные суммы.

Самостоятельно управлять транспортным средством в империи разрешалось только с восемнадцати лет, или как в Петинном случае – с шестнадцати, но с письменного разрешения родственников, оформленного и заверенного в канцелярии, как того требовал закон.

Выправить подобные бумаги для Державина было плёвым делом. И практически невозможным – добиться его согласия на это.

Вернее не его, а Ольги Радиславовны, которая всегда предосудительно относилась к пароциклам, как к ненужной опасной забаве, отдавая предпочтение более надёжным видам транспорта – паро-кэбам.

Державин был абсолютно прав в том, что ему пришлось выдержать серьёзную схватку, чтобы продавить это решение. Парень не знал, как он это вообще сделал и чего, в конце-концов, это ему стоило, но факт остаётся фактом.

Петя отныне может совершенно законно ездить по Светлореченску, да и не только по нему, более не скрываясь, что значительно облегчает его дальнейшую жизнь.

– Мои поздравления, сын! – голос Полозова-старшего моментально согнал с Петиного лица мечтательное выражение. – У меня тоже есть для тебя подарок. Не «Барсь», конечно, тут Демьян с Ольгой даже меня удивили, но что-то не менее важное. То, что поможет тебе! – с этими словами он протянул мне знакомый футляр, обтянутый чёрным бархатом. – Возьми, пожалуйста. От чистого сердца.

Петя уже задумался над тем, чтобы ответить что-то резкое, когда почувствовал знакомое покалывание в кончиках пальцев. Его рука непроизвольно потянулась к подарку. Лишь усилием воли он её не одёрнул, бережно приняв футляр.

– Что это? – нейтральным тоном поинтересовался парень, цепким взглядом впившись в лицо родителя.

Вот только Петру не нужно было знать, что находится в коробке. Это он и сам прекрасно знал.

Более того, он это сам добыл, а потом отнёс к Туману. В голове парня сложился пазл, а личность заказчика более не была тайной. Гораздо важнее было услышать ответ Полозова-старшего. А потом несколько вопросов нужно будет задать Туману.

– Это шанс, наконец, раскрыть родовой дар, – ответил Захар Андреевич. – Если ты, конечно, рискнёшь этим шансом воспользоваться...

Полозов-старший ещё что-то говорил, но Пётр его уже не слушал. В виски ударила кровь, заглушая все посторонние звуки, и парень только крепче стискивал зубы, чтобы не начать делать глупости, затопив здесь всё волной сырой силы.

Вот теперь всё стало на свои места.

И если моментами Петя даже задумывался над тем, что он, возможно, несправедливо так относится к отцу, что, может, он что-то упускает, а Полозов-старший имел все предпосылки для того, чтобы так поступить, то сейчас всё отошло на задний план.

Те обломки хрустального моста доверия и понимания, которые когда-то висели только с Петиной стороны, рухнули в одночасье. Окончательно.

Нет. Всё правильно. Всё он правильно делал, и всё он правильно относился.

Тому, что Полозов-старший назвал «шансом», больше подходило определение «последняя надежда». И не нужно было открывать футляр, чтобы понять, что там покоилась сущность прорыва, которая сейчас отчаянно резонировала с даром парня, стремясь поскорее раскрыться, дотянувшись до энергетического каркаса.

Штука неимоверно дорогая, штука, которую мог позволить себе далеко не каждый Род. Очень опасная штука, секрета добычи которой не знал ни один Род.

Сущность прорыва имела одну маленькую и милую особенность: она убивала кандидата с пятидесятипроцентной вероятностью. Либо ты в полной мере раскрываешь свой дарованный природой потенциал, закрепляя всё, что удалось удержать в энергетическом каркасе, либо ты сгораешь, не выдержав перенапряжения.

Либо ты усиливаешься, либо умираешь. Очень нехорошо умираешь. Третьего варианта не было.

И сейчас, глядя в глаза своего родителя, Пётр понимал, что Полозов-старший не мог этого не знать. Как и не знать того, что использование сущности прорыва давно уже запрещено высочайшим императорским эдиктом. Тем не менее, на это все закрывали глаза, если использование подобных методов заканчивались положительным результатом. Победителей не судят.

«Кто же ты? Хитрый ублюдок, который ради раскрытия у меня родового дара, готовый хладнокровно сыграть в гусарскую рулетку с собственным сыном? – мрачно подумал парень. – Только рулетка хоть предоставляла шансы один к шести, где на шесть выстрелов лишь один

несёт смерть. Туман, в своё время, меня хоть предупредил о возможных последствиях, в отличие от тебя».

– Благодарю, – отстранённо поклонился Пётр, убирая футляр во внутренний карман жилета.

– Я точно не знаю, как это работает, – зачем-то развёл руками Полозов-старший, никак не прокомментировав того, что Пётр не заглянул в футляр. – Как меня заверили, у тебя практически стопроцентный шанс на успех.

«Зато я знаю, – поморщился юноша, но вслух, разумеется, этого не произнёс. – Как и то, что происходит с теми, кому удалось поглотить сущность прорыва».

Парень ещё несколько секунд смотрел в глаза Полозову-старшему, ища там предвкушение, радость или нетерпение, но взгляд Захара Андреевича оставался только лишь слегка виноватым.

Неужели он действительно не понимает, что только что сделал? И случайно ли Захар Андреевич преподнёс свой подарок, когда рядом с ними практически никого не было, или это было сделано намеренно?

– Прошу простить, но мне нужно на воздух, – парень ослабил тугой узел шейного платка, рванувшись к выходу. – Я сам, не нужно меня сопровождать, – поспешил откреститься Петя от компании отца.

– Да, конечно, сын, – раздалось ему в спину равнодушное. – Как скажешь.

Оказавшись на широком крыльце, Пётр несколько раз вдохнул полной грудью холодный воздух, пытаясь успокоиться. Разумеется, он давно должен был привыкнуть к тому, что ради достижения своих целей, аристо готовы практически на всё, вот только до этого момента его это не касалось.

По сути, подарок Полозова-старшего можно было приравнять к бомбе с часовым механизмом, которая обязательно сработает в назначенное время. Ведь сегодня для тебя неприемлемо рисковать подобным образом даже ради обретения долгожданного дара, а завтра, под давлением каких-либо обстоятельств, можно посчитать, что шансы не так уж и малы.

Особенно, когда ключ к обретению желаемого находится у тебя в руках и нужно им только воспользоваться.

Вот только его отец не знал, что это всё применимо лишь в том случае, если дар не раскрыт. Повторное использование сущности гарантировано убьёт реципиента со стопроцентной вероятностью, подарив перед смертью океан Силы и ощущение всемогущества.

А с другой стороны, этот жест Полозова-старшего можно будет использовать в своих целях. Ведь теперь юноше можно будет не предпринимать никаких попыток, аккуратно сославшись на собственное малодушие, что Петра, в общем-то, полностью устраивало. А Полозов-старший просто будет ждать, когда Пётр поддастся соблазну обрести настоящую силу.

«Вот и пускай ждёт! – усмехнулся парень. – Долго придётся ждать. Поживу спокойно эти два года».

Его внимание привлёк хищный силуэт подарка Державина, который даже не смогла замаскировать специальная накидка из плотной ткани. Ослабив завязку, опоясывающую чехол по кругу, Пётр аккуратно отбросил его в сторону, обнажая сначала толстое колесо, затем руль с объемным баком, сидение, а после и весь пароцикл.

На миг он потерял дар речи от того, что предстало его глазам.

Это был не обычный пароцикл, который выпускался за заводе «Барсь». Судя по размерам движителя, это был тот самый гибрид парового движителя, дополненного магическим преобразователем, которые только-только начинали выпускаться. О таких Пётр как-то читал в одной из газет, но воочию видеть не доводилось.

Слишком дорогое удовольствие.

По иронии судьбы, Пётр мог давно спокойно себе позволить приобрести подобный агрегат, поскольку деньги у парня были, благодаря выполнению заказов Тумана. Старик всегда платил щедро. Вот только Пётр не смог бы объяснить Державину, откуда у него взялись денежные средства.

Имея компактный движитель, по сравнению с теми монструозными поделками, которыми изобиловали светлореченские улицы, этот пароцикл не только выгодно отличался от других меньшими размерами, но и мог развивать гораздо большую скорость.

На сегодняшний день, «Барсь» являлся абсолютным лидером империи по производству разнообразных пароциклов. И насколько Пётр мог судить – это явно был предназначен для спортивных состязаний, которые империя проводила каждые четыре года, собирая в столице лучших водителей этого вида транспорта.

И теперь эта красота – его.

– Нравится?

Полностью поглощённый тщательным осмотром своего подарка, Полозов не заметил, что уже находится не в одиночестве.

– Очень, – кивнул парень, с благодарностью посмотрев на Державину. – Спасибо вам, Ольга Радиславовна.

Тепло улыбнувшись, женщина потрепала Петра по непослушным волосам, одновременно пригладывая чёлку. Полозов никогда не понимал, как она это делает: разлохмачивая, придаёт причёске лёгкую небрежность, которая удивительным образом гармонирует и не выглядит неопрятно.

Наверное, это и есть та самая пресловутая женская магия, которой как бы нет, но они ею все пользуются.

– Это не меня нужно благодарить, – оставив волосы парня в покое, она изучающе посмотрела на «Барс». – А он хорош, – удовлетворённо констатировала она, проведя пальцем по глянцеvой поверхности бака. – Тебе нужно благодарить своего дядю, за то, что смог мне объяснить, что за рулём этого зверя тебе ничего не угрожает, а встроенный с завода кинетический щит второго класса убережёт от любых травм и последствий.

– Я обязательно ещё раз его поблагодарю...

– И своего отца, – вздохнула она. – Только благодаря ему мы смогли связаться с заводом и уговорить их вовремя выполнить заказ. Причём, я точно знаю, что эта модель выпущена в единичном экземпляре. Она считается экспериментальным образцом, хотя, по сути, уже доработана и в таком же неизменном виде станет на конвейер через полгода-год. Ну это мне так Демьян Остапович говорил, я в ваших мужских железках не разбираюсь особо, – отмахнулась Державина. – Щит не щит, но водить ты должен осторожно, понял? Все необходимые бумаги – в кофре, притороченном к пароциклу, потом сам посмотришь. А сейчас, если ты закончил, я бы попросила тебя вернуться к гостям, Петя. Налобуешься ещё.

– Да, конечно, – кивнул парень, невольно задумавшись над её словами. – Вы абсолютно правы.

То, что Ольга Радиславовна немного слукавила – факт. Всё она прекрасно разбиралась в «мужских железках».

Не зря же она закончила Императорскую Академию Технических Наук, а через семь лет возглавила одно из родовых предприятий мужа, занимающегося производством железнодорожного оборудования, и вот уже больше тридцати лет является его бессменным руководителем.

– Ну раз я права, тогда прошу вас, молодой человек, сопроводить скучающую даму в банкетный зал, – лукаво усмехнулась женщина, взяв Петра под руку. – Гости ждут. Да и Ирина уже два раза интересовалась, куда вы запропалились.

Оглянувшись напоследок на теперь уже его собственность, Пётр уверенно повёл Державину ко входу.

Глава 6

Быстренько скатав в компактный свёрток защитный чехол, Пётр убрал его в кофр.

Да, при свете дня пароцикл выглядел намного эффектней, сверкая хромированными деталями, нежели вчера вечером.

Никто даже не представлял себе, чего парню стоило не торопиться во время завтрака, а степенно и размеренно поддерживать беседу, постепенно насыщаясь, вместо того, чтобы одним махом вкинуть в себя омлет с салатом и не умчаться ближе знакомиться со своим подарком.

– Я искренне надеюсь, что твоё последнее, признаю – весьма эффектное, посещение города не перерастёт в неприятную традицию, Пётр, – промакнув кончики губ полотняной салфеткой, нейтрально заметил Демьян Остапович. – И ещё я надеюсь, что ты больше не совершишь подобной глупости, как, например, гоняться за какими-то воришками. Не заставляй тётю переживать за тебя.

– Только лишь тётю? – выгнула бровь Ольга Радиславовна, заставив супруга смутиться. – Хорошо, дорогой, пусть будет так.

Петю всегда восхищала её железная выдержка. И не нужно было даже догадываться, чтобы понимать, кто в этой семье держит всё в своих руках.

Это вовсе не означало того, что Демьян Остапович не имел права голоса, скорее наоборот – именно он и заведовал всеми делами. Но когда Державиной что-то было нужно, она это всегда получала, с молчаливого согласия супруга. Причём это всегда выглядело так, как будто решение целиком и полностью принадлежало Демьяну Остаповичу.

Полозов-старший на семейном завтраке не присутствовал, с раннего утра куда-то умотав по своим делам, чему парень был искренне рад. Не хотелось бы омрачать новый день лицемерием надменного лица родителя. Хватит и того, что при его появлении ощущается некая скованность и неловкость.

Вставив ключ в замок зажигания, Петя вдруг замер.

Отступив на шаг, парень ещё раз придирчиво осмотрел «Барс», поскольку он совершенно точно помнил, что ощущал защитные плетения пароцикла немного по-другому. Пробежавшись взглядом по тусклой равномерной вязи, видимую лишь магическим зрением, он заметил то, чего не должно было быть в узоре не запитанного силой кинетического щита, а именно – характерной завитушки, которая применялась не во многих конструктах.

Вернее, чаще всего применялась лишь в одном.

«Это каким нужно быть самоуверенным болваном, чтобы считать, что я этого не замечу? – раздражённо подумалось Пётру. – Хотя..., в чём-то я его понимаю».

Оперирование чужими силовыми линиями магических конструктов даётся далеко не всем, но, в целом, навык не такой уж и редкий.

Вот только Полозов-старший, видимо, не знал, что Пётр давно знаком с простейшими магическими плетениями, иначе не стал бы так топорно цеплять на его пароцикл конструкт, который служил лишь одной цели – определению местонахождения предмета, на который он и подвешивался.

И уж совершенно точно Полозов не мог даже подумать, что его сын уже весьма успешно может подправить некоторые узоры, с которыми был знаком лично.

Пётр усмехнулся, вспомнив об одном из первых опытов, когда он сдуру решил изменить плетение ночника, стоявшего в его комнате. Запитанный магией кристалл, с помощью простого конструкта, давал вполне ровное свечение бирюзового оттенка.

Всё это нехитрое приспособление было облачено в ажурную проволочную вязь, обтянутую материей, образуя абажур, и покоилось на довольно массивной бронзовой подставке, для устойчивости.

Тогда чуть не случился пожар, поскольку Пётр, решив, что он теперь великий разрушитель плетений, решил слегка изменить угол наклона одной из линий, чтобы заставить ночник светить ярче...

В общем, расплавилась даже бронзовая подставка, а в комнате до сих пор остался кислый привкус гари, несмотря на то, что ремонт пришлось делать заново.

Тогда это списали на техническую неисправность, но новый ночник так и не увидел обновлённой комнаты парня. Во избежание, так сказать.

Сложность заключалась только в том, что для изменения чужого конструкта требовалось примерно столько же энергии, сколько затратил создатель, но накладывать свою энергию нужно было поверх чужой, чтобы равномерно накрыть всю плоскость чужого плетения, что было гораздо труднее.

При этом требовалось точно знать принцип наложения плетения, чтобы повторить всё строго в обратном порядке. Это требовало немалой сосредоточенности и контроля, так как визуальная модель формировалась лишь в мозге мага.

Петру повезло, что он сам активно пользовался следящими плетениями. Только поэтому он рискнул вытравить его с поверхности кинетического щита. Неправильно воспроизведя последовательность действий, Полозов рисковал превратить «Барс» в такой же кусок оплавленного металла, как когда-то ночник.

Так что, не обладая Петром подобным навыком, ему бы пришлось или обращаться за квалифицированной помощью, чего он, естественно, делать бы ни за что не стал, либо смириться с тем, что кто-то ещё будет осведомлён о всех его маршрутах.

Критически осмотрев себя, Полозов, поморщился. Его одежда явно не была предназначена для поездок на пароцикле. Вернее, на таком пароцикле. Здесь требовалось что-то более плотное, а ещё лучше – с жёсткими наколенниками и налокотниками.

Пётр пока не представлял, как в пароциклетном костюме ему расхаживать по колледжу, но и ездить в повседневной одежде тоже было не дело.

Кинетический щит – штука, конечно, хорошая, но и пренебрегать элементарными методами индивидуальной защиты явно не стоило. Да и для защиты от холода и встречного ветра щит был не предназначен.

Ещё раз представив, как он в таком виде заявится в колледж, Полозов вздохнул. Он явно будет выделяться среди компании местных аристо. А наличие уникального «Барса» не позволит ему избежать повышенного внимания.

«Ладно, с этим я что-то придумаю потом. Решать проблемы нужно по мере их поступления».

«Попробуй теперь за мной последить, – Пётр аккуратно подцепил силовую линию чужого конструкта, одновременно обволакивая её энергией из своего энергетического каркаса. – Думаю, ты удивись»

Мягким движением сдёрнув конструкт с пароцикла, он направил его на один из камней брусчатки, которой была вымощена дорожка. Конечно, чавкающий звук, с которым положовский шпион впитался в камень, являлся лишь плодом воображения парня, но дело было сделано.

Усевшись, наконец, на пароцикл, Пётр повернул ключ в замке зажигания. Несколько секунд послушав сыто урчащий движитель, парень плавно тронулся с места.

Несмотря на внушительные размеры, «Барс» великолепно слушался руля, позволив парню вписаться в проход между двумя декоративными клумбами. Поддав газу, он еле успел затормозить перед неспешно открывающимися воротами.

«Да, к тебе дружок, нужно привыкнуть», – удовлетворённо подумал парень, понимая, что тем пароциклам, на которых он учился водить, до «Барса», как до Луны пешком.

Главной площади Светлореченска он достиг меньше, чем за минуту, хотя особо не прибавлял скорость. Направив пароцикл в один из широких переулков, Петя старался держаться середины мостовой, чтобы случайно не зацепить редких прохожих по обеим сторонам.

– А ну пошла вон! – испуганно выкрикнул парень, когда ему наперерез выскочила крупная псина, не испугавшаяся рокота парового движителя, с недвусмысленными намерениями показать, кто главный на этой улице. – Брысь!

Крутанув рукоятку скорости, Полозов попытался предугадать рывок псины, попытавшись её объехать, но вместо того, чтобы обогнуть агрессивное животное, пароцикл вдруг взревел, становясь на дыбы.

С трудом удержав руль, парню всё-таки удался манёвр, вот только он чуть не зацепил прогуливающуюся парочку пожилых дам, которые вместо того, чтобы прижаться ближе к краю мостовой, стояли и глазели на неравное противостояние пароцикла и пса.

Когда яростно лающий пёс и истошный визг дородной барышни остался позади, Пётр облегчённо перевёл дух. Ему не очень улыбалось сейчас объясняться с городскими, выслушивая при этом проклятья от зевак.

С гордостью ловя завистливые взгляды, Петя прибавил газу, чувствуя, что если он ещё немного увеличит скорость, его необъезженный железный конь, ускачет вперёд без него.

В свой последний выходной ему требовалось ещё раз нанести визит Туману, поскольку последующие три дня на Вторую Базарку он вырваться не сможет. Лето заканчивалось, и сейчас студия первого курса Светлореченского Общеобразовательного Колледжа, коим являлся и он, должны были продемонстрировать преподавателям, что они смогли усвоить за год обучения.

Если брать во внимание, что парень только на этой неделе пропустил уже три лекции из-за известных событий, преподаватели явно уделят нездоровое внимание его персоне. А, учитывая на каком счету он у них находится.

Нет, в том, что он сдаст все экзамены без исключения, парень ни капли не сомневался. Предметы он знал на твёрдую четвёрку. Проблем могла доставить лишь одна дисциплина – основы прикладной артефакторики.

Её преподаватель с самого первого дня невзлюбила Полозова. Причём парень так и не мог твёрдо ответить на вопрос: «Была ли это личная неприязнь, либо Анну Сергеевну слишком задела потеря половины горшков с цветами в учебной аудитории?».

Если бы он мог предположить, что вызвавшись ассистентом на первом занятии, он нечаянно перепутает полярность энергетических линий, безнадёжно испортив простейший артефакт, поддерживающий необходимую влажность над любимыми растениями Анны Сергеевны, в жизни бы не поднял руку.

Полозов до сих пор был уверен, что это не его вина, и ему подсунули испорченный артефакт, но вот доказать преподавателю, что это действительно так, было делом таким же безнадёжным, как и объяснить, что он всё делал верно.

В результате ошибки, артефакт выдал хорошую порцию огненного дождя над цветочными горшками, зацепив краем шторы, и навсегда вписал Полозова в список худших учеников с первых дней сотворения колледжа, по версии Анны Сергеевны, которую просто и без затей, все называли за глаза Зелёнкой.

* * *

Слишком приметный пароцикл пришлось оставить неподалёку от уютного кафе, в котором Петя иногда покупал вкусную выпечку. Не то, чтобы он доверял местному контингенту, нет. Он просто рассудил, что напротив жандармерии его железному коню ничего не угрожает. Да и простейшая «сигналка», заброшенная на «Барс» своим воем может отпугнуть кого угодно.

В этот раз пропетляв больше обычного времени по проулкам Второй Базарки, Пётр обошёлся без происшествий. Район жил своей жизнью, если это можно было так назвать. Вот только местных обитателей это полностью устраивало, в отличие от парня.

Притоны различного пошиба, соседствующие с дешёвыми борделями, где за пару медяшек можно купить время любой местной «красавицы», заряженной полным букетом срамных болячек, игорные залы, в которых даже не создавалась видимость честной игры, а залётный катала, вместо выигрыша мог получить только нож в печень, если хоть на секунду решат, что он сжульничал, нищие, гадающие цыганки, наёмники, скупщики краденного, к одному из которых Полозов сейчас и направлялся...

Кого здесь только не было.

Вторая Базарка – мрачный и грязный район, куда в здравом уме не сунется не только полиция но даже местный Корпус жандармов. А если показательные облавы и проводились, то это была игра на публику, для успокоения добропорядочного гражданского населения. Чтобы не роптали, что творящийся беспредел происходит здесь с попустительства местных властей, что тоже было абсолютной правдой.

Пётр не понимал, почему Вторую ещё не вычистили, но подозревал, что это весьма выгодно местным властям. Деньги здесь крутились немалые, и Полозов это точно знал, а вот куда они уходили, если район был в таком плачевном состоянии – неизвестно.

Ощущение пристального взгляда уже несколько минут не отпускало Петю. И появилось оно в аккурат, когда парень прошёл мимо проулка Каретиной, как его здесь называли, несмотря на то, что в городском кадастре он числился, как Гончарный.

Знаменит он был тем, что здесь жила местная сумасшедшая. Имени, как и происхождения, её никто не знал, но скажи любому выходцу: «Анна Каретина» – он понятно кивнёт и поёжится.

Выжившую из ума старуху здесь знали все.

Ютилась она в старой карете без колёс, где вместо дверцы, с незапамятных времён, висела обветшавшая дерюга, закрывающая от любопытных глаз быт этой одиозной личности. Прислонённая к стене одного из домов, карета почти полностью перекрывала проход.

Чтобы протиснуться в Гончарный и срезать путь до нужного «пятак», нужно было ещё постараться не изгваздаться в наваленном здесь мусоре.

– Мальчик, а купи лапсердак, – скрипучий голос застал Полозова врасплох. – Я же вижу, он тебе будет к лицу.

Спутанные редкие седые волосы, впалые щёки, дряблая, в пигментных пятнах, кожа и редкий частокол чёрно-оранжевых прокуренных зубов – первое, что бросилось в глаза. В нос же ударила вонь испражнений и давно не мытого тела.

Взгляд парня невольно скользнул на засаленное тряпье в бордовых пятнах, которое протягивала ему сумасшедшая. Отодвинув второй рукой дерюгу, она продемонстрировала Пете полное отсутствие одежды на ней.

подавив рвотный позыв, парень сделал шаг в обратном направлении, чуть не наступив на жирную упитанную крысу.

– Купи, не пожалеешь, – хихикнула она, приюхиваясь к тому месту, где он замер. – Хороший, хранцузский, – белые бельма глаз Каретиной вызвали отвращение, но в то же время Петя не мог отвести взгляд. – Хорониться-то в чём собираешься? А? – сорвалась на визг она. – Ну, стой! Не беги, мальчик!

Выдохнув с облегчением, Пётр, наконец, проскользнул в проулок, но всё же оглянулся. Старуха молча продолжала стоять на том же самом месте, протягивая своё тряпье. Вот только её слепые глаза продолжали смотреть на парня.

«Мальчик!».

Случайно ли эта выжившая из ума так ляпнула, или её не смогла обмануть личина Петра? Да и как слепая могла понять, что перед ней юноша, если вдобавок к недугу, у неё отсутствовал магический дар. Даже самый слабый он бы смог почувствовать.

– Чертовщина какая-то! – ругнулся Полозов, лихорадочно стараясь понять направление столь пристального внимания. То, что это была не старуха, он уже понял.

Причину взгляда в спину он установил через несколько секунд, когда за спиной раздался drobный топот ножек.

– Дядя, – запыхавшийся малец, хотел уцепиться в полу Петинoгo сюртука, но предусмотрительно замер, когда парень пригрозил тростью. – Ты Пепел?

– Говори, – моментально насторожился парень. – Кто послал?

– Главная наша, – шмыгнул тот носом. – Велела передать, что это был благодарный. Мужик. С тростью. Костюм нашего крою, серый. Имени не знает, здесь никогда не видели. После этого заходил в «Солёного поросёнка». Потом исчез. Задавал много вопросов.

– Всё? – помрачнел парень. – Больше ничего передать не велено?

– Не-а, – пацанёнок снова вытер рукавом грязный нос. – Расплатиться бы надобно!

Вытащив из кошелька несколько монет, Пётр бросил их на землю перед парнем. Передавать деньги в руки подобной публике чревато не только разнообразными болячками и острыми предметами в брюхо, но и потерей личных вещей, которые местный контингент настолько виртуозно снимает, срезает и вытаскивает, что даже смотря во все глаза, ни за что не уследишь за ловкими пальцами.

Вот только малец и не подумал обижаться. Сграбастав с земли мелкие монетки, он моментально запихал их себе в рот, воровато оглядываясь, после чего припустил прочь, сверкая чёрными пятками.

То, что местные оборванцы так быстро разузнали интересующие его сведения, не вызвало у парня удивления, как и то, что его моментально срисовали среди чужаков на Второй Базарке. Этим местные нищие и жили.

В отличие от остального контингента, обретающегося здесь, они прекрасно понимали, что со странным типом, постоянно появляющимся на Второй Базарке, лучше вести дела честно.

Гарантированная плата всегда лучше отнятой жизни. То, что за обманом всегда следует неотвратимое наказание, местное отребье давно убедилось. А уж после личного знакомства с их главной, Петру оказывалось всяческое содействие, которое он, впрочем, всегда честно оплачивал.

– Значит благо-о-одный, да? – зло прошипел Полозов, повторив интонации мальчика, отчего его глаза на миг полыхнули багровыми искрами. – Серый, с тростью. Ну, держись, ублю-док! Сам напросился!

Глава 7

То нездоровое движение, которое начало происходить вокруг его персоны, парню абсолютно не нравилось. Создавалось впечатление, что кто-то, до сих пор остававшийся в тени, но начавший ставить палки в колёса, смог набросить Петру густо смазанную мылом удавку на шею и сейчас аккуратно её затягивает.

И Полозов ничего не мог с этим поделать, не раскрыв себя.

Несмотря на то, что парень пребывал в сильнейшем раздражении, а голова сейчас лихо радочно работала, обрабатывая полученную от оборванцев информацию, его мучили сомнения касательно личности Полозова-старшего.

Ну вот не укладывалось в голове, что его родитель мог самолично заявиться на Вторую Базарку, и, абсолютно не скрываясь, нанять двух бандитов для умерщвления собственного отпрыска. Мало того, что он снабдил их «негаторами», так ещё и, абсолютно не скрываясь, до сих пор проживал в поместье Державиных. Что-то здесь не сходилось.

Ведь чтобы провернуть подобное, требовалось, как минимум, знание города, местных реалий, которые явно отличались от столичных нравов, и кое-какие знакомства на Второй. Без последнего с ним вообще бы никто не стал говорить. Маг, не маг, но его бы обязательно попробовали на прочность. И то, что этого не случилось, говорило само за себя.

А уж, что Полозов-старший как-то умудрился через Тумана заказать его услуги, в результате чего Петру пришлось выкрасть сущность прорыва из дома одного горожанина, чтобы по итогу получить её же в подарок, порождало ещё больше вопросов.

Помимо всякого отребья, которым изобилowała Вторая Базарка, здесь можно было найти и одарённых, причём не слабых.

Не все же одарённые ведут праведный образ жизни, верно? А то, что подобные личности находятся под пристальным вниманием Корпуса Жандармов, которые занимались исключительно коронными преступлениями, так это уже дело другое. Каждый сам выбирает свою судьбу.

Двигаясь по улицам, Пётр не забывал следить за окружающей обстановкой, цепко подмечая малейшие крохи обращённого на него внимания. Но, то ли, наброшенный морок не вызывал желания связываться со странным прохожим, то ли Петру просто сегодня везло, но ему удалось добраться к антикварной лавки без происшествий.

– Ну и какого чёрта, спрашивается? – пробормотал парень под нос, когда обнаружил, что лавка оказалась заперта. Постучав ещё сильнее и не добившись никакой реакции, парень прильнул к мутному стеклу, попытавшись рассмотреть, что творилось внутри, благо грязная шторка на двери была не полностью задёрнута.

Внутри что-то происходило. И это что-то абсолютно парню не нравилось. Особенно после того, как услышал характерный звук пощёчины и заискивающе-испуганный голос карлика. Постучав для ещё раз для очистки совести, парень начал действовать.

Перейдя на магическое зрение, он по-новому взглянул на дверь. Его подозрения оправдались.

Если бы Пётр сдуру сунулся, попытавшись вынести её грубой силой, его бы ждал неприятный сюрприз в виде парализующего плетения, срабатывающего при открытии двери. А учитывая количество вбуханной в конструкт энергии, этого хватило чтобы свалить с копыт даже лошадь.

Повторив трюк с переносом конструкта на брусчатку перед дверью, Петя, напитав руку энергией, толкнул дверь чуть сильнее, чем того требовали правила приличия.

Эффект превзошёл все ожидания.

Вырванную с мясом дымящуюся дверь с громким хлопком унесло внутрь, где через секунду раздался болезненный вскрик, а следом – виртуозная брань.

«Лишь бы это был не Клин или, что ещё хуже, Туман, – пробормотал парень, переступая порог антикварной лавки. – Ну вот и хорошо! – с облегчением выдохнул он, убедившись что ошпаренный карлик стоит целый и невредимый, чего нельзя было сказать о его собеседнике».

– Добрый день, господи! – Пётр сделал вид, что поднимает в приветствии несуществующую шляпу. – Простите за вторжение, но на табличке было написано «Открыто». А что у вас происходит? Может я могу чем-то помочь?

По лицу Клина, Пётр понимал, что он совершенно не ожидал появления парня. Больше того, Полозов каким-то глубинным чувством понял, что он только что попал на разговор, на который ему совершенно не нужно было попадать.

Дверь, которая до этого валялась около стойки, дрогнула, а потом оказалась отброшена в сторону сильными руками. С пола поднялся плечистый рыжий мужик. Вытерев тыльной стороной ладони разодранную щеку, он тупо уставился на кровь, медленно зверея.

Второй же собеседник Клина, справившись с изумлением, взглянул на Петю уже другими глазами.

– Слышишь, бедолага, – сплюнул он на пол. – Ты хоть понимаешь, куда попал? Ты уважаемым людям помешал. Нехорошо.

– Я же извинился, – широко усмехнулся Пётр, укоризненно обратившись к коротышке. – Клин, ну что это за дела? Я же просил сменить дверной молоток. Видишь, что происходит? В уважаемых людей двери летят. Ну куда это годится? Сильно досталось, мужик?

– Ты кого мужиком назвал, фраер? – прошипел рыжий, а после, утробно взревев, бросился на Петра, в мгновение ока преодолев разделяющее их расстояние.

Увитая мышцами рука уже была готова проломить Полозову череп. И это вполне могло получиться, поскольку вес рыжего превосходил Петин не меньше, нежели в два раза.

Не будь Пётр готов к подобному, он бы непременно схлопотал этот страшный удар. О дальнейшем можно было уже не переживать: подняться Пете было бы не суждено.

Разом запитав весь энергетический каркас, уделив основное внимание ногам, Полозов изящно ушёл с линии удара, одновременно перебрасывая трость в левую руку. За этот «финт» он бы непременно схлопотал по ушам от деда Радислава, но сейчас руки парня действовали отдельно от головы.

Рыжий ещё только проваливался в ударе, когда крутанувшись на одной ноге, Пётр точным ударом вогнал сухо щёлкнувшее булатное лезвие под ухо рыжему.

А кто сказал, что в трости лезвие всего одно?

Это ещё один «финт», за который ему быть поротому бы нещадно, узри это старик. Причём, дед Радислав сделал бы это самолично.

– Никакого воспитания, – вздохнул Полозов, снова крутанув трость в руках, медленно загоняя в источник кипевшую в каркасе энергию. – Я повторяю свой вопрос, – небрежно вытерев лезвие о бьющееся в агонии тело рыжего, парень брезгливо поморщился, разворачиваясь ко второму нежеланному собеседнику. – Что у вас здесь происходит?

Следующая картина немало его удивила, поскольку, вместо того, чтобы помочь Полозову, Клин попятился назад.

– Жако, это случайность! Давай договоримся! Ты же меня знаешь! Это просто случайность! Я всё возьму.

Тот кого называли Жако, медленно перевёл взгляд на меня, затем покачал головой.

– Раньше нужно было договариваться...

Воздух вокруг фигуры Жако искажённо завибрировал, а потом бандит, наличие у которого магических способностей оказалось для Полозова неприятным сюрпризом, просто-напросто исчез.

– Ну вот какого хрена? – выверился на парня Клиn. – Ты хоть понимаешь, что...

Коротышка может и закончил мысль, вот только Полозов этого уже не слышал. Удар в живот, словно орудовали стенобитным тараном, отправил парня в полёт, который окончился столкновением с пыльным стеллажом, на котором Клиn держал какое-то бесполезное барахло. Лишь в последний момент Петя успел подать энергию в каркас, не понимая, откуда последует атака.

Самое дерьмовое заключалось в том, что парень уже понимал, что живым его отсюда никто не собирается выпускать. С Клина, как оказалось, помощник никакой.

«С ним я разберусь потом», – решил Полозов, поднимаясь из обломков, как совсем недавно рыжий.

Справа послышался еле слышный свист, и Пётр едва успел отклониться. Лёгким потоком воздуха обдало лоб, заставив парня похолодеть и снова резко напитать каркас энергией, израсходовав чуть ли не четверть всего магического резерва.

Полозову не повезло нарваться на скрытника, причём, судя по тому, что он продемонстрировал – дикого. Нарвись он на такого же, только умеющего пользоваться своим даром – Петя был бы уже трижды мёртв.

Сложность заключалась в том, что человека, обладающего подобными умениями, нельзя было засечь обычными магическими методами. И дело было не в том, что энергетический каркас развивался и использовался совершенно по-другому, нежели в классическом исполнении.

Просто скрытники не гнушались уравнивать свой односторонний дар различными артефактами, многие из которых тащились прямиком из Мёртвого. Не поддаваясь общепринятой классификации, подобные вещицы были строжайше запрещены к использованию и подлежали немедленному изъятию властями.

Нужно ли говорить, что это никого никогда не останавливало?

Как не проверялись надзорными органами множественные ватаги авантюристов по возвращению из Мёртвого, всё равно находились смельчаки или правильнее – глупцы, рисковавшие протаскивать подобного рода запрещёнку.

Судя по всему, Петя нарвался на одного из них. Вот только что этот субчик делает почти за полсотни километров от Мёртвого города? Зашёл поболтать к Туману с Клином, заложив небольшой крюк? Ну да, охотно верится!

Магическое зрение, с каждой секундой разгоравшееся всё больше, тоже вряд ли могло помочь Петру. Вот не видел он его, хоть ты убей, в отличие от Жако.

«Думай, Полозов, думай! Как можно обнаружить кого-то, кого нельзя разглядеть ни глазами, ни магическим взором? Думай!».

Внимание привлёк один из разорванных мешочков, через прореху которого на пол просыпалось что-то похожее на желтоватую муку.

Подцепив носком ботинка один из обломков, Петя ловко отправил его в предположительную сторону атаки. Если бы парень специально не всматривался, ни за что бы не заметил, как деревянный обломок в полёте на миг будто замедлился, пролетая мимо скрытника.

Примерно вычислив местоположение, Полозов ухмыльнулся, не удержавшись, после чего метнулся к валяющемуся мешочку, чтобы специально запнувшись, незаметно зачерпнуть горсть непонятного вещества.

Взяв трость наизготовку, Пётр почти поджался к стойке, практически исключая нападение со спины.

– Мил человек, ты бы показался, – недовольно произнёс Полозов, внимательно отслеживая движение в лавке. Любая колыхнувшаяся занавеска или покачивание могло сказать Петру больше, нежели тот ответит голосом, ведь последний можно перенаправить, заставив звучать совсем в стороне от себя. Фокус нехитрый. – Может мы просто поговорим?

Естественно, парню никто не ответил. Да он особо и не рассчитывал.

«Есть! Попался!».

Пётр вздрогнул, когда одна из половиц вдруг слабо скрипнула, заставив парня моментально швырнуть в ту сторону содержимое левой ладони.

Сбоку чертыхнулся Клиn, но юноша не обратил на это внимания, поскольку прямо перед ним добрая половина того, что он бросал – осела на гибкой фигуре нападавшего.

И Полозов немедленно атаковал, вот только лезвие его трости было отбито в самый последний момент, а парень едва сумел увернуться, отделавшись неглубоким порезом на левом боку.

«Снова сюртук на выброс! – досадливо скрипнул зубами парень. – Как же вы все достали!».

Мир перед глазами внезапно качнулся, и Пётр едва успел отбить клинок Жако, метивший точно в брюхо. Спустя несколько секунд Полозову удалось контр-выпадом зацепить слишком вёрткого скрытника. Развивая успех, юноша нанёс ещё несколько уколов, вот только этого уже не требовалось.

Один из ударов парня пронзил Жако сердце, поэтому авантюрист умер ещё до того, как ему пробили горло и рассекли плечо. Как-то слишком легко, учитывая нехорошую славу подобных типов.

Постояв ещё несколько секунд, тело с грохотом рухнуло на дощатый пол. Почувствовав себя весьма скверно, Петя едва доковылял до многострадальной стойки, чтобы не повторить судьбу Жако и не развалиться рядом.

– Клиn, ты бы двери прикрыл, что ли, – произвольно вырвался смешок у парня. – Дует же! Сейчас ещё кого-нибудь надует оттуда.

Комната вдруг сделала кульбит, и Петю чуть не стошнило. А через несколько секунд голова резко прояснилась, будто парень и не участвовал в схватке, утомив двух опасных противников, а просто поднялся утром с постели, выпавшийся и отдохнувший.

– Ну и что ты натворил? – прошипел Клиn, взгромоздившись на этажерку и попытавшийся отвесить парню обыкновенного леща. Петя с лёгкостью уклонился, погрозив коротышке пальцем. – Башка твоя куриная, ты же даже не понимаешь, что сделал, – продолжал причитать антиквар. – Господи, какой же болван!

– А что не так? – удивился Пётр. – Зло наказано. Справедливость восторжествовала, враг повержен. Где мой орден, куцый?

Клиn покачал головой и снова горестно вздохнул, после чего предупредил:

– Так, стой на месте! Никуда не уходи, я сейчас! Секунду. Вот за что мне всё это? – послышалось сердитое из-за занавески, куда укатился коротышка, чем-то там загремев.

Парень было задумался, куда он хотел бы уйти прямо сейчас, но после третьей секунды попросту сбился с мысли, посчитав это занятие скучным и бесперспективным. Гораздо веселее было рассматривать интерьер этого прекрасного места, на который Полозов никогда не обращал внимания. Как же здесь красиво.

Даже два трупа не только не отталкивают, но даже немного украшают эту старую, дышащую стариной лавку.

– Пей! – хмурый Клиn поставил перед ним помятую металлическую кружку. – До дна! И не вздумай пролить!

– А это что? – с улыбкой принявшись, но не услышав запаха, парень с любопытством взглянул на Клина. – Имей в виду, если это не Шато, я даже пробовать не стану. В нашем доме подают такое прекрасное Шато. Кстати, а давай я вас с Туманом в гости приглашу. Не хотите? С дядюшкой вас познакомлю, с Ольгой Радиславовной...

– Как я мог забыть? – восторженно коротышка. – Шато, конечно! Это – Шато, – восторженно коротышка. – Урожай самого лучшего года, что только был. Пей, кому говорят! – рявкнул он, теряя терпение. – За императора! До дна!

– Ну нет, – погрузнел парень и попытался отставить кружку. – За императора пить не хочу! Знаешь, сколько за него пьют? Вся Базарка, небось, за него только и хлещет в три горла. А давай знаешь за что выпьем? – задумался Полозов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.